

Геннадий Карпов

*Шёл я
как-то раз...*

Повести и рассказы

Геннадий Карпов

Шёл я как-то раз...
Повести и рассказы

«Издательские решения»

Карпов Г.

Шёл я как-то раз... Повести и рассказы / Г. Карпов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745064-9

Автор много лет проработал в геологии, поэтому повести и рассказы во многом автобиографичны и рассказывают о жизни геологов и студентов со всеми её радостями, приключениями и трудностями. Несколько рассказов — пародии на современные телевизионные передачи.

ISBN 978-5-44-745064-9

© Карпов Г.
© Издательские решения

Содержание

Учились два товарища	6
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Шёл я как-то раз... Повести и рассказы

Геннадий Карпов

© Геннадий Карпов, 2017

ISBN 978-5-4474-5064-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Учились два товарища (сибирская полунаучная о том, как не надо ходить в тайгу)

*Чем дальше в лес, тем меньше баб.
(поговорка)*

Когда они шагали рядом по длинному институтскому коридору, то выглядели очень забавно. Одному недавно исполнилось тридцать лет и давно – сто килограмм. Он был огромен и брюнет, с жидкой бородкой, которую он, не лишённый чувства здоровой самокритики, называл «плесень». Другой был шуплый, среднего роста, двадцати одного года, пока курчавый, но грозящий встретить возраст своего могучего друга лысым. Он занимался бегом (зимой лыжным, летом марафонским), шахматами и был стеснителен не по годам, часто краснел и даже не курил. Первого звали Василий, реже – Вася. Второго кликали Валиком, Валюхой, а девочки – однокурсницы за глаза дразнили Валюсюшкой и всерьёз не воспринимали. Отслужив в армии и поработав полгода дворником, он учился на первом курсе геологоразведочного факультета, грызя гранит науки едва ли не в прямом смысле. Там же учился и Вася, неожиданно для знакомых решивший поднять планку своего образования со среднего специального до высшего. Он был выходцем из того капризно-романтического типа людей, который, сказав «Плевать!», мог действительно наплевать на пять лет своей жизни и не без скрипа преодолеть все тяготы студенчества, с трудом успевая за более молодыми сокурсниками – вчерашними школярами, но в отличие от них, имея за спиной опыт работы и уже точно зная – чего он хочет, а чего нет. Кстати, заявить «плевать» он мог, скажем, и на пятом курсе, в один день бросить учёбу и укатить куда-нибудь за фартом на Колыму или в Крым. Хотя – что там, в Крыму, делать настоящему геологу – поисковику. Плюс у таких людей обычно столько же, сколько и минусов, но их сумма в каждую единицу времени никогда не равна нулю. Валентин же учился здесь потому, что конкурс на вступительных был всего полчеловека на место, а по специальности всё равно никто в наше время не работает. Главное, чтоб мама была спокойна: сын не дворник, а студент ВУЗа. Он занял своей худой задницей два студенческих места и познакомился со старым таёжником Васей, который, как ни странно, занял те же два места, несмотря на гораздо более плечистый зад.

Вася был натурой увлекающейся и увлекающей, Валя – увлекающейся и увлекаемой. К первой сессии он был уже насквозь пропитан рассказами о походах, ночёвках у костра, лазании по горам и внутри них, бурных реках и кровожадных медведях, равно как и о комарах, прокусывающих телогрейки, и щуке, проглотившей собаку, что подошла к реке попить. Живописные таёжные байки пали на благодатные уши. Бывшему дворнику даже начали сниться рюкзаки непомерных размеров, раздавливающие его плечи. Он вскрикивал по ночам, будя родителей, благо жили они втроём в крохотной двухкомнатной «хрущёвке».

– Тебе, может, к врачу сходить? – беспокоилась мама, сама врач, меряя чаду температуру и щупая лысеющий лобик.

Но сын вместо рекомендованных пилюль купил эспандер и наборные гантели и стал ещё усиленнее готовить себя к будущей тяжёлой, но уже до смерти понравившейся благодаря заботам Васи профессии.

Валин папа маминого беспокойства не разделял, искренне считая, что их «Валенок» здоров как лось, а крики по ночам – от неженатости.

– Хотя, смотря к какой попадёшься, – иногда философствовал он, просматривая вечером «Экономическую газету», – от иной и днём кричать хочется.

- Николай, что за шутки при ребёнке! – строжилась супруга.
- Какие в наше время шутки? – вздыхал тот.

Миновала первая сессия. Васина группа – а его единодушно избрали старостой – прошла её почти без потерь. Вылетел только один отпрыск бывшего замзамсекретаря крайкома партии, нынешнего замзамзамдиректора тихоумирающего банка, заваливший математику и физику несмотря на все старания седобородой, но небогатой профессуры.

Вася брал преподавателей, как Суворов турецкие крепости: неожиданным наскоком, позубрив вечер перед экзаменом, но зато беседуя с преподавателями, как с коллегами. Получив по всем предметам «удачно», он был равнодушно доволен. Валя же, вызубрив все вопросы по всем предметам, сдал на «отлично» все пять экзаменов, и после последнего, красный, как флаг СССР, нервно намурлыкивал под нос засевшее ещё со вчерашнего вечера занозой в мозгу «Дождь серой пеленой окутал сраную страну» на музыку группы ДДТ. Около раздевалки он уткнулся носом в правую грудь старосты.

– Слушай, ты чё красный такой? Какать хочешь? Нет? У меня к тебе предложение возникло на миллион: пошли в поход!

– Прямо сейчас? У меня рюкзак дома. И маму надо предупредить.

– Завтра, несчастный! Я знаю одну избу в Саянах, был там год назад со спелеологами, в неё на недельку грех не сходить. Поохотимся, пофотографируем.

– Пошли! – сразу согласился друг, даже не выясняя подробностей и краснея ещё гуще.

– Тогда делаем так: сегодня ходим по магазинам, закупаем харчи и свозим всё ко мне. Поезд завтра в восемнадцать ноль-ноль. Выспимся хорошенько, потом ты бери свой рюкзак, одежду, и после обеда я тебя жду. Деньги с собой есть?

Деньги у того были: одиннадцать рублей ещё оставалось от повышенной сорокапятирублевой стипендии, да мать дала двадцать пять купить отцу подарок на день рождения. Они обсудили план действий и мероприятий и сделали два оптово-розничных захода по магазинам. Купили, как и положено таёжникам, всё на «С»: сахар, соль, спички, сгущёнку, сало, свечки, а также чай, макароны, водку и многое другое, благо Вася финансировал предприятие не скупясь. Последний жил на окраине города с дородной матушкой и сорокакилограммовой бабкой. Принеся продукты, он тут же дал указание женщинам налепить сотни полторы пельменей покрупнее, а сам сел смазывать ружьё, заряжать патроны и подшивать валенки.

– Опять в поход? – поинтересовалась бабушка, стреляя у внучка папиросу.

– Да, в избу сходим, в Саяны.

– Смотри, морозно нынче. Девок не поморозь, сам-то ладно.

– Девок нынче не будет, бабуля. Хоть в лесу от вашего брата отдохну.

– Так я тебе и поверила!

– Бля буду!

– Бля ты и есть! Гандонов хоть побольше возьми, чтоб старые не перестирывать! – шурясь от дыма, деловито заметила восьмидесятилетняя старушка и пошла долепливать единственному внучку пельмени на дорогу.

А в другом доме шёл бой за независимость.

– Никуда ты не поедешь! – категорично заявила Валина мама и отвернулась к плите, чтоб помешать жиденькую молочную лапшу на ужин.

Она по привычке решила, что этого окажется достаточно и даже в мыслях не допускала, что после её весомого «Нет!» сын сделает что-то по-своему. Она не была законченным деспотом. Просто у неё на руках в дополнение к мужу был маленький послушный отпрыск, ещё слишком маленький для самостоятельных решений.

– А я хочу поехать! Тем более что я уже обещал. Дал честное слово. А ты сама говорила, что честное слово – это клятва, её нарушать некрасиво! – вдруг забубнил сынок.

Это был аргумент, но маму переубедить было сложно.

– Какое ещё слово! На улице – минус тридцать, дома-то ноги отмерзают, а ты собрался куда-то в тьму-таракань! Будет летом практика – ездай с группой, с преподавателями! А сейчас даже не думай! Кому ты дал слово? Я сейчас съезжу и всё объясню как есть.

– Скорее Дунай потечёт вспять, чем мама изменит своё решение! – зло процитировал Валя и полез на антресоль за рюкзаком и унтами. – Или я еду завтра в лес, или бросаю институт и иду в дворники. На всю жизнь!

В этот вечер было всё: и уговоры, и ругань, и даже мамины слёзы. Пришёл с работы отец, молча выслушал обе конфликтующие стороны, минуту подумал, потом спросил:

– Ужин готов? А то кушать сильно хочется, а то сегодня даже пообедать было некогда, комиссия за комиссией, одна важнее другой. Эти бездельники из министерства... А сколько джентельменов будет у вас на подотчёте?

– Нисколько. Только я и Вася, наш староста.

– Это тот бугай?

– Мама, он не бугай, а опытный таёжник. Ходит туда каждую зиму много лет подряд и ещё ни разу не умер. Там домина огромный, с отоплением. Да и ходьбы от станции полчаса.

Отец включил телевизор и углубился в экран.

– Николай, ну скажи ты ему! Отец ты ему или не отец?

– ...ты ему. Думаю, что отец я ему. Может, закончите кричать, а то из-за вас я прослушал, какой счёт! Итак, о чём речь? Нет, подождите. Интересно, зададут нынче знатокам мой вопрос или опять выберут что полегче?

– Делайте что хотите, но я вас обоих предупреждала! – сдалась, наконец, Ольга Валентиновна и через пять минут уже деятельно советовала: – Носки возьми тёплые. Даже две пары. Николай, дай ему свой свитер. Как, какой? У тебя всего один. Будь там осторожней, ртом на морозе не дыши и водкой не грейся! Замёрзнешь сразу! И вообще там не пей и не вздумай курить! Рак заработаешь в два счёта! В связях будь очень аккуратен, сейчас столько СПИДа кругом! И не смейся! Я тебе это как врач говорю. На сколько идёте? На неделю? Ужас! Сегодня двадцать второе января, страшная дата, кстати говоря. Тридцатого я позвоню в милицию и скажу, что мой сын потерялся в тайге. Тебя будут искать с собаками на вертолётах, так и знай. Мы с отцом сойдём с ума, если с тобой что-нибудь случится. Правда, Николай?

– Сущая правда, дорогая! А нет ли у нас кусочка сала к этому чудесному супчику?

– Нет! А ты сейчас напиши – куда идёте и как вас найти в случае чего?

Проворочавшись полночи, Валя уснул лишь под утро, во сне традиционно покричал и проснулся только в одиннадцать. Родители ушли на работу, на столе стоял обильный завтрак и подробная инструкция к нему. Он быстро проглотил пару котлет, обжёл язык чаем, остатки еды согласно той же инструкции убрал в холодильник, и в час уже стучал в истыканную ножами Васину дверь. Открыла бабушка.

– Здравствуйте! – покраснев от предстартового волнения, поздоровался гость. – Вася дома?

– На месте Вася.

– Проходи, я уже скоро! – донеслось из туалета.

Не прошло и двадцати минут, как во всей красе – трусах по колено и прожжённой майке – появился хозяин.

– Если б не запор – ни фи́га бы Онегина не прочитал. Зацени: деревня, где скучал Евгений, была прекрасный уголок. Он в тот же день, без промедлений в кусты крестьянку поволок. Во житуха была! Почему я не помещик? Ну как настроение? Боевое?

Долго упаковывали два рюкзака, укладывали, выкладывали, утрясали и утапывали. Наконец, сверху положили пельмени, чай, спички, топор и котелок, по рюкзачным карманам распахали четыре солдатские зелёные фляжки. Вася побрил левую руку, чтоб браслет офицер-

ских часов не кусался. Хотел то же сделать с Вале́й, но у того на руках растительности не оказалось.

Валя до последнего не верил, что всё это влезет в два рюкзака. Васин был повместительнее, оба – на станках, и когда начали взвешивать, то оказалось, что Валин рюкзак от пола оторвать ещё кое-как можно, а Васин – нет.

– Интересно, как мы это погрём? Может, хоть капкан выложишь? Идти-то, говоришь, далековато?

– Нет, километров сорок. Правда, без лыжни, торить будем сами. Фигня! Наст должен быть хороший, прорвёмся. А на капкан я соболей хочу нам на шапки наловить. В день по соболю – как раз семь штук на две ушанки хватит.

Валя только сказал «Ясно!», ибо на лыжах он ходил хорошо, сорок километров его не пугали, а что такое «торить лыжню», да ещё в Саянах, да ещё в январе – он не знал.

Пообедали бабушкиным борщом, оделись, взяли две пары широченных Васиных лыж и, взгромоздив рюкзаки на спины, подались.

– Когда ждатель-то? – спросила бабуля, дымя папирсой в форточку.

– Как выпьем.

– Значит, завтра вернётесь.

На электричке доехали зайцами до вокзала. В вагоне к ним пристала приторможенная дама с безапелляционной просьбой выслушать, как она читает сто шестьдесят четвёртый псалом.

– Нет уж, это я от тебя уже слышал! – отбрил даму Василий. – Ты мне Онегина почитай! Из вот этого: бывало, он ещё в постели, спросонок чешет два яйца, а под окном уж баба в теле ждёт с нетерпением у крыльца.

На вокзале взяли билеты и залезли в уже стоящий поезд. Вскоре появились соседи по купе: два мужичка лет по пятьдесят. Не успел поезд тронуться, как мужики достали портвейн.

– Жахнем, молодёжь?

– Можно и жахнуть, – быстро откликнулся опытный Василий, – правда, нам выходить в три ночи и идти потом до обеда, как не больше.

– Дело хозяйское, мы не настаиваем, – не обиделись мужики.

– Нет, это я просто к тому говорю, что до трёх всё равно делать нечего, так почему бы и не выпить в хорошей компании. Валь, ты как? Захлебнёшься?

– Немного. Я вообще-то непьющий.

Выпив треть стакана, он залез на верхнюю полку и предался созерцанию предночного сибирского ландшафта. Остальная троица выпила до одиннадцати два литра «Агдама» и хорошо закусила. Вася, отработывая выпивку, травил лесные байки, благо поболтать он был даже не любитель, а профессионал.

ВАСИНА БАЙКА

Жил-был злой мужик в Мотыгино. А, мобыть, и в Курагино. Злые-то, они везде есть. По злости своей на охоту ходил, детей не имел и жену тиранил хуже положенного. Зверя и птицу изводил круглый год во множестве и с удовольствием, а с соседями враждовал непрерывно и всё по пустякам. Поставил он как-то по осени петлю на марала, да неувязка вышла: попал в петлю медведь. А события таким чередом разворачивались: ехал сей фрукт из своего села в другое по делам на санях по первопутку. Коня, как водится, хлестал нещадно, и вдруг закралось у него подозрение: не проверить ли снасть? Ружья с собой как на грех не было. Взял он из саней дрын и пошёл. Глядь: сидит в петле у кедры кто-то в шубе, снег повзрыл и стонет. Присмотрелся – Топтыгин! Оторопь нашего героя взяла сперва, поскольку Михайло – не марал, может и сдачи дать. На такой трофей его оружие не рассчитано, но не вертаться же взад за ружьём восемь вёрст. Мужик был от природы крепок, и порешил он дрыном из медведя

дух вышибить. Поплевал в кулаки и стал зверюгу бить. По голове – по хребту. По голове – по хребту. Тот в петле мечется, макушку лапами закрывает, на дрын клыки ужасные нацеливает, шум и запахи издаёт непристойные, а поделывать ничего не может: тросик короток и за лесину хорошо завязан. Бил-бил мужик жертву, и какой ни был тренированный, а устал. Сел, шапку снял, волосами на морозе парит, папиросу курит. Медведь передыхом тоже пользуется: сидит, уши трёт, охает, понять силится: за что наказание такое? Посидели, покурили, поохали. Мужик люто подкопил и с новой силой принялся дрыном махать: по башке – по хребту, по башке – по хребту. Прыгал медведь на окоротке, прыгал и допрыгался: тросик возьми и перетрись. Но зверь то ли очумел от такого нелестного обращения, то ли от природы был незлобив, да только как снялся он с места – аж комья из-под ног полетели, и в три прыжка скрылся в чаще. Но, пробегая мимо мучителя своего, один раз – разик только! – махнул лапшей. Мужик как на Олимпиаде двойное сальто с переворотом в воздухе учудил и ткнулся мордой в снег. Полежал, ожидая кровавой расправы, из снега репу выпростал – никого. Кое-как встал, ощупью трюх поднял и побрёл к саням. Хотел коня нахлестнуть, да силы иссякли. Но тот тоже зло забыл и, видя такое дело, довёз хозяина аккурат до больницы без понуканий. Ушибленный на крылечко влез, а дальше что было – не помнит. Очнулся лишь на другой день. Докторша, что он недавно отmaterил ни за понюшку, его детально проинформировала: левый глаз повреждён, челюсть сломана, зубов убавилось на три, ключица левая ровно напополам. Но дело знакомое, мол, починим, коль раньше не помрёт.

Выписался он из больницы только спустя месяц. Исхудал, через трубочку бульонами питаюсь, видеть хуже стал, левое ухо на потеху пацанам теперь правой рукой чешет: левая только до носу подымается. Зато жена не нарадуется: злость у мужа медведь вышиб! Поумнел вдруг. Хоть кривой, да рассудительный, спокойный. Ружьё брату подарил, а тут и с ребёнком стало наклёвываться. Инда только выпьет вечером с друзьями – соседями и посетует: надо ж так! Я его цельный час во всю дурь лупил – хоть бы чхи ему! А он, варнак, раз стукнул не глядя и инвалидом сделал пожизненно!

* * *

Перед дорогой решено было поспать, но сон не шёл. До двух лежали, вполголоса лениво чесали языками, потом сходили в на удивление чистый туалет и ровно в три спрыгнули с метровой высоты в снег, кое-как успели за минуту, что стоял состав, сгрузить лыжи и рюкзаки, и зашли в типовое здание станции, построенное где-то в начале шестидесятых. Поезд тем временем, гукнув, грохотнув, вильнув задов и кинув фейерверк искр из последнего вагона, потонул в темень с целью быть к утру в Абакане.

Домик был маленьким, но светлым и чисто побеленным, с надписью «Щетинкино» на крыше. В углу топилась огромная печь, около которой длинный сухой дед в фуфайке подметал угольную пыль.

– Здравствуйте! – поздоровался Вася и свалил рюкзак на длинное деревянное сиденье. – Морозно тут у вас.

Дед собрал последние пылинки в ведро, пощупал печь, прикрыл поддувало и, распрямившись в полные сто девяносто, глянул на вошедших:

– Вечер добрый! Да, крещенские морозы нынче – что надо. За сорок ночами. Вы браконьерить небось? Марал-то ушёл сейчас отседа: тут снегу много. Коза вот в горах есть, значить и волк там же. Соболя нынче полно, белки. А зайцы, того гляди, собак погрызут. Я нынче на петли разом четырёх взял. Урожайный год.

– А мы в избу идём отдыхать. За старые пещеры. На Подлысан! – ответил Вася, развязывая тесёмки на лыжах, доставая огромные шестибатареечные фонари и раскатывая штаны поверх валенок.

То же, глядя на друга, делал Валя, только поверх унтов он ещё напялил чуни – узкие длинные брезентовые чулки с завязками под коленом.

Дед отстранённо наблюдал за их приготовлениями, потом достал беломорину, угостил Васю – Валя отказался, – и переспросил:

– Не пойму, на какие пещеры? На Подлысане их много. Не за Ивановку ли?

– Туда.

Дед покурил минуту, стряхивая пепел в ладонь, и прогудел сквозь дым:

– Так вы туды не дойдёте.

– Почему это? – обиделся Вася.

– Далеко. Вдвоём. Лыжни нет. Туды нынче никто не ходил. И холодно больно. Помёрзнете.

– Авось дойдём.

– Ну-ну, если на авось, тогда конечно. Дойти-то дойдёте. Только вот докудова?

– Я туда ходил уже раз, так что дорога знакомая. А мороз – что? На ходьбе не холодно.

По насту добежим! Не первый раз в тайге. Я же геолог! – не без гордости заметил Вася.

Дед докурил, кинул папиросу в поддувало и, выходя, покачал головой:

– Зря вы туды идёте. В январе-то какой ещё наст? С тайгой шутить опасно. А хлопчик точно не дойдёт. Как передумаете, так заходите ко мне в избу! Вона, с зелёными ставнями, из окна видать. Переночуете, а там видно будет.

Дед ушёл. Вася собирал старенькую одностволку шестнадцатого калибра, а на Валю вдруг напала тоска: а если старик прав? Термометра не было, но мороз давил такой, что при свете стационарных фонарей было отчётливо видно, как с ясного звёздного неба падал снег: из воздуха вымерзала последняя влага. Грохот абаканского поезда был слышен за десятки километров. Рюкзак он еле дотащил от вагона до станции.

– Вася, ты точно знаешь, что мы дойдём?

Вася посмотрел на друга, как на ушибленного:

– Я ж тебе на чистом суахили сказал, что мы туда уже ходили. Правда, – он почесал «плесень», – это было в марте. Теплее было. Наст держал, как асфальт. И лыжня была чья-то. Шли мы вшестером. Да и рюкзаки были полегче. Фигня! По дороге ещё одна изба есть, динамитка старая. В ней можно будет перекурить, если запаримся. Ну, вперёд, рахиты!

Они опустили уши кроличьих ушанок, поверх фуфаек надели брезентовые геологические куртки-ветровки, влезли в бурлацкие лямки и вышли в ночь, подсвечивая себе фонарями. Валя прикинул, что если на беговых лыжах сорок километров он проходит меньше чем за три часа, то на широких, да с грузом, потребуется часов семь-восемь. Значит, к полудню должны быть на месте. Терпимо.

Километр шагали по дороге. Потом Вася скинул рюкзачину и посветил в сторону: от дороги черным тоннелем уходила в тайгу просека метров восемь шириной.

– Нам туда. Встаём на лыжи!

Они присобачили к ногам кожаными ремешками лыжи, помогли друг другу одеть рюкзаки, Вася повесил на шею ружьё.

– Ну, с богом!

Друзья сделали шаг с дороги и провалились в снег по колено.

– Хреново. Наста-то нет. Может, дальше будет?

И Вася с унылым выражением спины погрёб по целине, как ледакол, изредка светя фонарём, с трудом выдирая ноги из снега и качаясь под тяжестью ноши.

Положение его друга было не на много лучше: ноги елозили в неудобных креплениях, рюкзак вдавливал в снег, резал плечи, шапка наезжала на глаза, и сильно мёрзло лицо. Просека шла полого в гору, петляя меж холмов. Вокруг стоял чёрный непролазный лес. Усыпанные снегом деревья не шевелились и на миллиметр, скованные морозом. Спрятавшаяся за горою луна освещала четверть неба мёртвенным светом, от которого, а также от тысяч равнодушных, замерших в давящей тишине звёзд становилось холодно в животе, по телу пробегал озноб. Быть

может, этот пейзаж красив, если его разглядывать по телевизору. Вася шёл медленно, изредка поглядывая на светящийся циферблат командирских часов. Через двадцать пять минут пропустил Валу вперёд, процедив сквозь лёд на усах:

– Пятьдесят минут идём, десять отдыхаем. И не торопись! Потеть нельзя!

Лиц видно не было, голос исходил как из-под земли, и Вале снова стало жутковато. «Может, вернуться, пока не поздно? Ведь не дойдём!» – Мелькнуло в мозгу. Но говорить такое было стыдно, и он пошёл вперёд, решив, что если уж будет совсем неважно, то можно бросить груз и вернуться обратно налегке.

– Перекур. – Вася подкинул рюкзак повыше и согнулся пополам, уперев руки в колени. – Взво-од, раком станю – вись! Ать-два!

Но обоим было не до смеха.

– Сядешь – намокнешь, – пояснил тогда командир взвода, – рассветёт, тогда сядем куда-нибудь, а сейчас не видно ни пса, ещё лыжи поломаем в этой чащобе. Тогда – хана.

Когда они в такой же позе отдыхали в третий раз, начало светать. Через полчаса рядом с просекой они разглядели поваленное дерево, скинули рюкзаки и боком, чтобы лыжи не мешали, уселись на ствол. Вася закурил и глянул на друга:

– Эй, три-ка нос, пока не отморозил!

– А ты – левую щёку. Белая, как спирохета.

– А кто это такое?

– Червяк какой-то. Мама им пугала. Не помню точно.

Они сняли рукавицы и стали растирать лица. От спин исходил парок, волосы взмокли.

– Хреново дело! – Вася не докурив, закашлял и бросил папиросу. – Мы прошлый год до этого места где-то за час дошли, а сейчас – за три с половиной. Надо прибавить.

– А во сколько вы на месте были? – позволил себе поинтересоваться друг.

– В восемь где-то.

– В восемь – чего?

– Вечера! Не утра же!

– Вась, так мы не дойдём сёдня!

– Вот я и говорю: надо прибавить. Кто испугался, тот может идти обратно. Ты пойми: это же самый кайф, когда преодолешь все трудности, а потом лежишь на койке и вспоминаешь, как было трудно. Пошли, пока не замёрзли!

Они спрятали фонари в клапаны рюкзаков и снова побрели вперёд, поочередно торя тропу, иногда падая, и тогда другой сбрасывал рюкзак и помогал барахтающемуся в рыхлом снегу подняться, ибо самому встать было почти невозможно: опоры не было, руки проваливались в снег по плечи, как в воду. Ноги гудели, незащищённый промежуток кожи

между уже намокшими рукавицами и рукавом телогрейки воспалился и пощипывал.

Иногда они присаживались на валёжины, счищали постоянно налипающий на лыжи снег, глядели друг на друга и невесело усмехались: кожа от мороза натянулась, губы почернели, на ресницах намёрз иней. Перекуры становились всё чаще.

В полдень Вася объявил привал. Похоже, он ждал, когда его худосочный спутник первым запросит обедать, но тот молчал. Могучий же организм Васи требовал подпитки, и у подходящего выворотня он сбросил рюкзак.

– По-моему, я сейчас взлечу, – еле шевеля языком заметил Валя.

– А меня как кто назад тянет, так и хочется на спину упасть.

Кое-как развели огонь: угли протапливали снег и, уходя всё глубже, угасали. Пришлось рубить задубелую пихту и на её поленьях разводить костёр. Попытались было разгрести снег до земли, прокопали метр и бросили, решив побережь силы. Наконец, огонь затрещал вовсю. Натопили снег и достали пельмени. Те, оказывается, в поезде подтаяли и теперь представляли собой один тестомясыый ком размером чуть не с васину голову. Недолго думая, Вася отхватил

топором от кома четвертую часть и сунул в кипяток, остальное разрубил на три части и убрал обратно. Пельмени, хоть и в несколько необычном виде, были съедены деревянными ложками за две минуты, отчасти оттого, что оба жутко проголодались, отчасти, чтоб не успели замёрзнуть. Потом в этом же котелке был сварен крепчайший чай и тоже выпит со скоростью, достойной книги каких-нибудь дурацких рекордов, хоть он и отдавал пельменями.

– Пожрали, теперь веселей дело пойдёт! – подбодрился Вася и попробовал улыбнуться.

– Веселее не бывает! – мрачно изрёк более пессимистично настроенный друг.

Промёрзнув до костей за полтора часа обеда, они снова побрели вперёд, всё время в гору, мимо тихого леса. Раз вдалеке пролетела ворона да изредка попадались чьи-то мелкие следы. Никого. В четыре, когда дневная балда спряталась за сопку и начало смеркаться, до них долетело эхо тепловозного гудка. Живой отзвук в большой, белой, красивой могиле. Оба путника враз остановились. Похоже, большой уже понимал, что делает ошибку. Было ясно: январский день короток, засветло они не дойдут даже до динамитки, до которой от станции было километров двадцать пять. Значит, идут они со скоростью полтора километра в час, а силы на исходе, спины насквозь мокрые и надо ночевать в снегу при минус сорока.

Валя глянул на друга. Путешествие тому давалось явно тяжелее, чем ему. Это было видно по глазам, в которых застыло предчувствие беды и дикая усталость, по дрожащим ногам, но отступить он не хотел, хотя и ёж понимал, чем может обернуться их прогулка. Скажи сейчас Валя: «Пошли, пока не поздно, обратно! Подохнем ведь!» – и Вася бы махнул чем-нибудь, мол, чёрт с тобой, с хлюпиком, сделаю одолжение. А вдруг бы потом стал рассказывать, как пошёл в лес с пацаном, а тот через пять минут захныкал, запросился к мамочке и испортил весь кайф? Этого Валя допустить не мог. Возможно, по молодости он просто не представлял себе, что можно взять и умереть, сидя в сугробе в каких-то пятнадцати километрах от станции. И он промолчал. Василий же уже рот открыл сказать: «Ну что, дальше пойдём или ты совсем устал?», глянул на Валу и тоже промолчал. Морда у того была серая от усталости, но злая, в глазах читалась не столько паника, сколько детская вредность, и весь он выглядел по ослиному упрямо, мол, «я-то ничего, а ты, старый таёжный врун, сейчас схлудишь, а я над тобой посмеюсь и в институте потом всё пацанам расскажу». Не пасовать же перед молодым! Скажет ещё, что по тайге на лыжах – это не языком по ушам. А орден рюкзаконосцев-геологов быстро узнаёт героев, где бы ни случился подвиг, и шлейф события тянется зачастую годами вне зависимости, покори ли ты пик Топографов или обкакался при виде медвежьего следа. И Вася это знал не по газетам. Да, получился прокол, да ещё какой.

Вася поглядел вперёд. Они выходили к речке Сисим. Теперь двигаться надо было прямо по занесённому снегом руслу. Вспомнилось, что идти здесь прошлый год было одно удовольствие. Он подкинул рюкзак и погрёб к реке, решив: если там идти будет не легче, то разворачиваюсь и иду обратно. Уж лучше маленький позор, чем большая могила.

Кое-как сошёл с высокого берега вниз. Снега было здесь столько же, но он был чуть плотнее. «Всё, шабаш! Хватит! Повыпендривался, гражданин Сусанин. Пока на ногах стою, надо решительно принимать решительное решение. Ведь обратно надо тоже суметь обратно добрести суметь... мне... нам... сегодня...», – пытаюсь развернуться в сугробе и туго шевеля подостывшими мозгами, рассуждал Вася. Но в этот момент из-за спины донеслось:

– Моя очередь впереди идти!

И пока он решал: как же, не потеряв лица, сказать, что он нагулялся, – друг обошёл его и зашагал вперёд, изредка поправляя лямки рюкзака. Пройдя десять метров, он обернулся и спросил:

– Давай ружьё понесу! Поди, шею отдалило?

Васина голова сама собой мотнулась влево-вправо, поднялась, глаза оглядели бесконечную гряду начинающих темнеть сопки. Васина нога сама шагнула вперёд, а язык и губы, плохо двигаясь от усталости, прошептали:

– Мы в такие шагали дали, что не очень-то и дойдёшь. Господи, помоги, если ты есть! Жалко тебе что ли, падла?

Прошли рекой километра четыре за полтора часа. Упрямый Валя ледоколил за себя и за того толстого парня. Сильно стемнело, но вылезла ночная балда и светила так, что можно было читать. Просека круто уходила влево от реки в черноту елей. Валя подошёл к берегу, когда сугроб под ним осел, и он как стоял, вертикально бухнулся на метр вниз, тут же ошутив, как по лыжам хлестанула вода. Он стоял на дне, воды было всего по щиколотку, но лыжи, присыпанные центнером тут же намокшего снега, как приклеились. Он дёрнул вверх одну ногу, другую, понял, что бесполезно, опрокинулся на спину и со всех сил дёрнул ноги кверху. «Не дай бог под спиной такую же промоину...» Лыжи взлетели над головой, обдав хозяина мокрой снеговой кашей. Он перекатился на бок, освободился от рюкзака и вскочил на ноги. Весь инцидент не занял и двадцати секунд и бахилы не успели промокнуть. Вася стоял в десяти метрах, и когда потерпевший поднялся, спокойно спросил:

– Кессонную болезнь не заработал от быстрого всплытия? Снимай лыжи, пока снег не прихватило на рабочей поверхности! Соскребай!

Часть шуги всё же успела примёрзнуть. Тогда Вася не поленился достать из рюкзака свой здоровенный тесак и срубил лёд, сколько срубилось.

– Ноги не промочил?

– Нет, бахилы спасли. Маме спасибо скажу, если жив буду.

– Не вздумай! Твоя мама умрёт, если узнает, где её изделие номер два пригодилось. Пошли, холодно стоять. До динамитки километров пять осталось, не больше.

Они прошагали ещё три часа, проголодались и устали, как все бурлаки на Волге, вместе взятые. Перекуривали уже каждые двадцать минут. Вдоль просеки стеной стояли чёрные деревья, безучастно наблюдая за трепыхающимися букашками людей на бесконечных белых простынях. Батарейки в фонарях замёрзли, и те уже еле светили, как и Луна, уползшая за гору. Наощупь прошли ещё метров пятьсот и окончательно поняли, что избу размером три на три они найдут только в том случае, если упрутся в неё рогами. Каждый пень казался домиком, надежда сменялась разочарованием, нервы были на пределе. От безысходности у Вали навернулись слёзы и тут же замёрзли. Василий тыкал прикладом в очередное дерево и матерился:

– Обрато не изба, мать её так!

– Вася, чё делать-то теперь будем? – не выдержал, наконец, Валентин.

– Не знаю, Валюха. Ночевать надо устраиваться. Больше ничего предложить не могу.

– Где? Тут?

– Ну, можешь в сторонку отойти на пару шагов. Погоди, тут канава какая-то. Кажись, лыжня. Неужто повезло?

Вася потряс фонарь, выжимая остатки энергии, и осветил снег на метр перед собой.

– Точно говорю – лыжня! Может, поорём?

И он неожиданно заорал, срываясь на визг:

– Э-ге-ге-гей!

Лес равнодушно проглотил крик и даже не удостоил крикуна эхом.

– Да не ори ты так страшно! Может, тут неделю назад кто-то ходил. Мой фонарь ещё светит маленько. На, глянь!

Вася снял рюкзак, с треском разогнулся, взял фонарь, с треском согнулся и стал разглядывать след. Распрямился, сказал: «Не может быть!» Снова наклонился, но тут фонарь окончательно умер. Валя подгрёб к канаве, чуя неладное, и чиркнул спичкой. Поперёк их дороги шёл глубокий след, на дне которого были хорошо видны отпечатки когтистых лап среднего размера, где-то между сороковым и сорок третьим.

– Везёт нам сегодня, как тому покойнику. Медвежий след, Валя. Это шатун.

Вася снял ружьё и поднял ухо шапки. Они прислушались. Тишина была космической.

– И что теперь делать? – шёпотом спросил Валя опытного друга.

– Крути себе яйца, больше не понадобятся! – утешил его тот и добавил. – Всё равно ночуем, поэтому снег надо разгрести до земли. Залазь в след, иди по нему до первой сосны и копыть до упора. Нам нужна воронка два на два. И дёрнул же чёрт меня в такой мороз из дому вылезти! Сидел бы сейчас в тепле, телевизор глядел.

Он нешуточно ударил себя кулаком в лоб и застонал:

– Как-то выпутаемся? Жив буду – хрен зимой нос высуну из квартиры! Дурак я старый! И тебя завёл к чёрту на рога, осёл ослячий!

Валя замёрз, слушая стенания и матюги, и решил проявить инициативу:

– Эй, осёл, криком не согреешься! Хорош орать! Вали за дровами! Я задубел уже.

Вася вздохнул, осторожно высморкал помороженный нос и достал топор.

– Засветло это надо было делать. А теперь, Валёк, влетели мы с тобой хуже, чем в розетку писью. Сухих дров не найдём, а сырыми костёр не разожжёшь. Неужели пора место под могилу выбирать? Или ещё подёргаемся?

Он подул в рукавицы, слез с лыж и полез в чашу, треща ветками, обсыпаясь снегом с веток и ругаясь в нос, и в глаз, и в другие отверстия. Валя с удовольствием снял лыжи, подтащил рюкзак поближе и стал грести снег лыжиной как лопатой. Вскоре он устал, остановился передохнуть, но мокрая спина вмиг замёрзла. Он никогда не думал, что когда-нибудь сможет устать за пять минут и замёрзнуть за одну. Шевелиться было всё труднее, не шевелиться – всё холоднее. Он закопался по шею, когда, наконец, лыжа стукнула о твердь. Начал копать вширь, но снег сыпался обратно. «Два на два не выкопаю. Оказывается, снег копать – тяжёлое занятие. Самое тяжёлое в мире! А не выкопаю – смерть. Неужели я сегодня умру? Не может быть! Теперь я точно знаю, что самая страшная смерть – от холода, а самая приятная – на костре. Там хоть тепло».

Вскоре, сопя и хрипя, появился шатун Вася. Он сполз в свежевыкопанную яму, обвалив в неё кубометр снега и таща пару сырых пихт метра по четыре каждая и кучу веток на растопку.

– Ни пёса не видно. Приходится по каждому дереву чуть ни башкой стучать, сушняк искать. Нету путного. Щепок каких-то наломал. Ох и влипли мы! Застрелиться, что ли?

Они поменялись местами. Валя пошёл блуждать по окрестностям, а Вася, как большой крот, начал рыть. За два часа непрерывной работы яма была вырыта, из неё сделаны ступеньки наверх, сооружена подстилка из лапника, найдены кое-какие сухие ветки в руку толщиной и с трудом разведён слабенький костерок, на который была истрачена половина запаса сухого горючего – десять таблеток. Пламя дрожало, искры летели во все стороны. Горе-путешественники сели на одеяло в полуметре от живительного тепла спиной к поваленной сосне, еле уместившись на подстилке, и замерли. Сил больше не было.

– Надо бы пожрать, – сонно пробормотал Вася, вытянув руки к огню и закрыв глаза, слезящиеся от дыма.

– Надо, – не намного бодрее подтвердил Валя.

Есть ему почти не хотелось. Вот разогнуться – да! Согреться – о, да! Он дотянулся до кучки дров, накидал в костёр сырых ёлок, которые сразу противно зашипели и задымили, и снова погрузился в полуявь. Руки и лицо от тепла приятно покалывало, иногда их обжигали искры, но он не обращал на это внимания. С другими частями тела было хуже. При малейшем движении пробивала дрожь, ноги были сырые, жутко хотелось спать. Озноб усиливался с каждой минутой. Он начал напрягать и расслаблять мышцы, но это помогало слабо. Застучали зубы. Он сжал челюсти, но тогда затряслась вся голова.

Он разлепил глаза. Снег был почему-то зелёный. Вокруг их ямы стоял щелястый забор. Костёр догорал. «Откуда забор? Почему я не дома? Неужели это не сон? Может, надо снова уснуть, чтобы проснуться в тепле? Где Вася?» Замерзающие мозги ворочались со скрипом. Он протёр глаза трясущимися руками, собрал волю, или уже вольку, в кулак и начал дви-

гаться. В который раз за эти сутки. Кинул в костёр пару таблеток горючего, сверху набросал веток и, наклонившись, стал дуть на угли. Когда опасность угасания костра миновала, он, весь в пепле, продышался, проморгался, просморкался и наконец глянул на соседа. Тот спал, опёршись на дерево спиной и сунув руки в карманы штормовки. «Жирный, гад! Ему никакой мороз не страшен, а тут трясись в одиночестве. Замёрзну, а он и не заметит», – подумал Валя и стал толкать Васю:

– Эй! Спать бросай! Замёрзнешь!

Никакого эффекта.

– Нос тебе прижечь, что ли? Сейчас прижгу! Эй! Э-э-й!

Он кое-как разогнул смёрзшиеся ноги, встал, несколько раз присел, помахал руками, ломая лёд на штормовке и разгоняя кровь. «В морозильнике всего минус восемнадцать, а куры вон как замерзают! Не раздерёшь! Вот и мы такие же к утру будем, ещё хуже». Тут до него донёлся какой-то звук, неясный из-за треска костра, скрипа снега под ногами и опущенных ушей шапки. Недолго думая, он врезал спящему по плечу:

– Медведь! Ружьё давай!

При этом он слишком резко открыл рот. Губы лопнули, по подбородку потекла кровь. Друг что-то замычал и снова затих. Перепуганный Валя долбанул рукой его по башке и заорал в ухо:

– Шатун идёт!

Вася взвился на полметра, схватил ружьё и, крутя башней, спросонок забормотал:

– Газуй, Лёха! По газам! Жми педаль!

Потом дико огляделся и навёл резкость на стоящего рядом Валу с топором наизготовку.

– Ты чё? – ошалело уставился он на топор.

– Ничё, вроде. Показалось. Наверно, я спятил. Выйди из костра, а то сгоришь, пока Лёха газует.

Вася глянул под ноги, отпрянул назад, гулко дался затылком о дерево и окончательно пришёл в чувство. Загасил в сугробе задымивший валенок и снова замер, приподняв уши треуха. Через минуту тихо произнёс:

– Ты чё слышал? Врёшь, небось? Ты меня хотел топором? Нет? Это не я тебе морду разбил? Нет? Галюники, может, начались?

– Не знаю, может и галюники.

– Это в тайге бывает. У меня сколько раз были. Говорят, это леший чудит. Сейчас мы их разгоним!

Он поднял ружьё. Сноп огня с грохотом вылетел из ствола, дробь треснула по веткам, в двадцати шагах сполз с вершины пихты и мягко упал в снег целый сугроб. Вася перезарядил и сообщил:

– Никого, кажись. Хорошо, что разбудил. Я, по-моему, ноги обморозил. Ещё б маленько – и совсем бы опингвинился. Давай-ка взбодримся малость, пожрём да посушимся. Спать нельзя. Уснём – не проснёмся. Ори, меня ругай, только не спи. И кровь вытри, а то сосульками замёрзла.

– Я и так не спал, это ты дреманул.

– А я и не заметил. Бр-р, как я замёрз.

Они подшерудили костёр, повесили над ним котелок и переодели носки и портянки, а Валя даже пододел второй свитер, папин.

– Ты расскажи что-нибудь, чтоб спать н-не хотелось, – советовал опытный таёжник, морщась от боли в ногах.

– У меня ч-челюсти сводит, не м-могу говорить.

– Тогда пой. З-зайки хорошо поют.

– У меня слуха нет, тебе н-не понравится. Я лучше п-попляшу.

Они сварили пельменный камень, Вася достал фляжку и набулькал в кружку на слух пять бульков:

– Погреться надо!

– А мне мама говорила, что пить на м-морозе нельзя. Замёрзнешь.

– Юноша, ссылки на маму в вашем возрасте н-неуместны. На м-морозе я даже трахался в своё время. Правда, н-не на таком. Но я не заставляю.

Он подержал кружку над огнём, попробовал пальцем температуру содержимого.

– Может, всё-таки глотнёшь?

– Ну, глоточек если. Я же непьющий.

Валя взял кружку и наклонил её в рот. Ничего. Наклонил сильнее. Ничего.

– Ты чё проливаешь-то? – донёсся до него недовольный возглас.

Всё ещё не понимая, он сделал глотательное движение и чуть не задохнулся. В кружке был чистый спирт, который был нагрет – надо же такому случиться! – до тридцати шести с половиной градусов. Налив тёплый спирт в замёрзшую глотку, он этого не почувствовал! Нутро обожгло, он не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. «Говорила же мать... Помру я тут...». Но тут у его носа из темноты возникла ложка с пельменем. Прожевав, не чувствуя вкуса, он только тогда вздохнул и, вытерев слёзы, прохрипел:

– Ты чё, твою бабу, предупредить не мог, что это спирт?

Вася вылил остаток спирта в рот, скривился, передёрнулся, закусил и молвил:

– Я думал, ты в курсе. Ну, дело прошлое, теперь закусывай, пока пельмени не замёрзли.

От еды и выпивки дрожь на какое-то время прошла, но у обоих ручьём потекло из носа, что вызвало проблему выколупывания льда из ноздрей. Через час снова поели пельменей, посчитали дрова, посмотрели на часы – была полночь – и стало ясно, что до утра топлива не хватит.

– Я лучше без костра сидеть буду, чем снова по сугробам кувыркаться! – безапелляционно заявил старший товарищ, и младший, с ужасом представив себе бескостровую перспективу и послушав – не идёт ли медведь, полез в темень под одобрения Васи:

– Ты сёдня будешь главный кострат, а я завтра. Если живы будем, тьфу-тьфу-тьфу, – он трижды постучал себя по голове.

Мёрзлые деревья рубились плохо, топор был небольшой, хоть и острый. Срубив небольшую ёлочку, Валя малость согрелся, но выбился из сил и вернулся на стойбище. Вася кимарил над символическим костерком, экономил дрова. Добытчик порубил добычу, отряхнул снег со штанов и решил больше не садиться. Суставы ног побаливали от усталости, но стоять было не так холодно, и он не боялся уснуть. Поворачиваясь то одним боком к огню, то другим, он думал, что дома, хоть и не романтично, но тепло. И что если он тут замёрзнет, то через неделю их, задубелых и погрызенных мышами, найдёт мама с вертолёта и будет плакать и обвинять папу, а друзья скажут, что умер в первом же походе, позорник. Было тоскливо, нереально и жутко. И ещё была злость на Васю. «Тоже мне, профессионал! Завёл чёрте куда и даже переночевать не может толком. И за дровами идти не хочет». Успокаивало лишь то, что Васе тоже очень холодно.

Вскоре он потерял счёт времени. Ему казалось, что он стоит уже много часов, давно должно быть утро, но солнце не показывается специально, чтоб они замёрзли. Небо было чёрным, звёзд на нём высыпало впятеро больше, чем в городе, иногда по нему пролетали спутники. Глядя на них, Вале почему-то хотелось плакать, и он опустил глаза, решив на небо больше не смотреть. Иногда звук подавал напарник. Он стонал, иногда шевелился, грел руки, один раз попытался покурить, дрожащим голосом пробормотал: «Холодно!» и снова затих. В тишине было слышно, как у него стучат зубы. Деревья снова превращались в забор, снег становился то зелёным, то коричневым, и Вале приходилось закрывать глаза, чтобы не видеть этот бред, но так он терял равновесие и боялся уснуть и упасть.

Дрова кончились, но угли ещё дымили.

– Вась, сколько время?

Вася пошевелился, пожал плечами и тихонько застонал. Валя вдруг представил, что будет, если Вася сейчас умрёт, а он, Валя – нет. Что делать в таком случае, он не знал, но этот вариант событий его испугал не на шутку.

– Эй, ну-ка вставай!

Тот потряс головой и снова застонал. Валя схватил друга за руку и попытался привести его в вертикальное положение. Тот слабо попытался вырваться. Валя дёрнул со всей силы, и замерзающий всей тушей бухнулся в угли, но бурной реакции не последовало. Поворочавшись в дыму, он сел на прежнее место и, не разжимая зубов, жалостно попросил:

– Дай поспать мне хоть чуть-чуть. Мне н-не холодно.

– Время скажи, гад! Мои часы встали, Китай херов! Завёл к чёрту на рога, а теперь сидишь, нюни распустил, кабан шестирёберный! Я думал, ты правда таёжник, а ты чмо ползучее! Тебе блох на жопе пасти, а не в тайгу ходить! Вставай, пока можешь, рассвет уже скоро. Мне нафиг тут не нужен центнер мороженой свинины!

Всё это Валя проорал хриплым чужим голосом – горло саднило от спирта, – и на одном дыхании, причём гнусаво: вода в носу всё-таки замёрзла.

Удивительно, но Васю проняло. Он покрутил головой, разминая мышцы шеи, махнул туда – сюда руками и резко сморщился:

– Как больно! Суставы замёрзли. Х-холодно, аж зубы пляшут. Н-не вспотеть бы от дрожания.

Он криво зевнул, в темноте долго глядел на циферблат, потом проскрипел:

– То ли пять, то ли шесть. Лучше шесть, тогда часа два ещё проторчим тут. А костра нет. Х-хреново. Когда же это кончится! Вторые с-сутки на морозе.

– Твоя очередь по дрова идти, заодно и согреешься.

– Нет, Валя, не пойду я никуда. Не могу. Да и бесполезно это, мы сейчас его уже не разожгём. Я его п-пузом затоптал. Повымокнем только зря да силы потратим. Давай-ка лучше попляшем да порем, криком погреемся. Только я сперва балласт солью.

Он присел пару раз и, кряхтя, полез из ямы.

– Из чего бы мне поссать, не подскажешь? Пипетка смёрзлась, падла. Если до дому доберусь живой, скажу Нинке, чтоб отогрела х-хорошенько. Дыханием. Никогда так не замерзал. Г-градусов с-сорок пять в тени.

– Что за Нинка? Не Сорокина из второй группы?

– Нет, ты её не знаешь. Любовь очередная. Задница – класс, а как лицом повернётся, так всю задницу п-портит.

– Смотри, как бы медведица-шатуниха Нинку не опередила, а то от тебя только и останется, что мёрзлая пипетка Нинке на память. Прикинь, как её хоронить будут, с какими почестями! И надписи на венках: «Письке от Сиськи». Или: «Спи спокойно. Группа пипеток».

Вася прикинул и рассмеялся:

– Не, Валюха, не должны мы с тобой сегодня сдохнуть.

Похоже, Васины резервы на морозе были больше Валиных. Он быстро пришёл в себя, хоть и продолжал стучать зубами. Худой же его товарищ выжимал из себя последние калории, подпрыгивая и боксируя непробиваемого друга в плечо. Прошёл час, другой. Сил прыгать и приседать уже не было. Они сели на подстилку, перетащив её на место костра, спина к спине, и стали молча ждать. Когда тьма стала не такой густой, Валя с трудом расклеил чёрные губы и заметил:

– Светает. Быстрее бы. Левый глаз отдам за горячую грелку.

Хотел подняться, но не смог. Он вдруг с ужасом представил, что сейчас надо будет надевать рюкзак и снова идти по снегу, проваливаясь по колено. На этот раз Вася поднялся первым:

– Собираться надо. И н-не трясись, на тебя смотреть х-холодно.

Пока, еле шевелясь, как два зомби, они упаковывали рюкзаки, небо стало серым, уже видны были контуры гор на его фоне. Они посмотрели на свои закопченные робы, пощупали обмороженные носы.

– Прости, братан! – с чувством вдруг произнёс Вася и отвернулся.

– Да ладно, живы пока! – свеликодушничал друг.

Они выбрались из ямы, надели лыжи и, с трудом разгибая суставы, поскрипели дальше. «Интересно, какая у меня сейчас температура? – подумал Валя промёрзшими мозгами. – Градуса тридцать два? А, может, двадцать восемь? Видела бы мама!»

Через триста метров они наткнулись на динамитку. Постояли молча.

– Ну что, зайдём или мимо проскочим? – без эмоций спросил Вася, заглядывая внутрь, будто проскакивал мимо очередного ларька с пирожками на проспекте Мира.

Изба просвечивала насквозь, меж трухлявых брёвен хоть палец суй, но в углу стояла печь, а рядом лежали дрова. После двух бессонных ночей соблазн был слишком велик. Они растопили ржавую буржуйку, вскипятили чай, проверили, не загорится ли что, и завалились спать на нары. Уже засыпая, Валя услышал:

– Ты почему меня чмом назвал? Борзеешь потихоньку, студент? И в костёр меня ронял?

– Оборзеешь тут с тобой!

В крохотной избе сразу стало невыносимо жарко, с потолка закапали капли, но измученные люди и не думали реагировать на такие мелочи. Сейчас для них было выносимо всё, кроме холода. Они проснулись лишь в одиннадцать от мороза, проспав два часа. Печь была ледяная, будто и не топили её, потолок – во льду, зато на улице вовсю светило солнце. Первые полчаса спросенок ноги не двигались, но дальше пошло веселей. Они ещё дважды пересекли медвежий след и, наконец, достигли перевала.

– О-хо-хо! – заорал Вася во всю дурь.

– Не ори! Медведь услышит.

– Теперь-то я до избы и съеденный дойду! Тут километра три осталось, и всё под гору.

Уже смеркалось, когда перед ними предстала огромная поляна. На ней из снега торчали безглазые полуразваленные избы и покосившиеся заборы. Пройдя весь посёлок, Вася с гика-нем припустил к стоявшей на отшибе единственной целой избе.

– Радость ты моя! Вот был бы номер, если б с ней что-нибудь случилось за год!

– Будет номер, если нас там сейчас медведь ждёт, – обеспокоился Валя.

Но следов вокруг не было, стёкла – на месте, дверь припёрта снаружи поленом.

– А вдруг он на чердаке спрятался и нас ждёт? – подал мысль Валентин, у которого страшный зверь не выходил из головы.

Но друг уже штурмовал присохшую дверь. Они вошли в тёмные сени, открыли ещё одну дверь, и взору их открылась комната, некогда бывшая жилым деревенским помещением, попросту – избой, а ныне превращённая в охотничью избушку со всеми вытекающими последствиями. В комнате было темно. Вася ворвался внутрь, пригнув голову, так как дверь была сделана явно не по его росту, и с ходу что-то забодал. Сматерился, шагнул в сторону и снова куда-то врзался:

– Чё тут повесили? Бегемотов сушёных, что ли?

– Может, слоновий тампакс? – подсказал Валя, недоверчиво заглядывая под нары.

Толстый, согнувшись в три погибели, крадучись прошёл к дальней стене, в которой тускло светилось загаженное мухами окошко. Под ним красовался сколоченный из неважно струганных досок средних размеров стол, по бокам – двое широченных нар. Уронив на левые рюкзак, Вася закричал, распрямляя спину, и блаженно простонал:

– Вернулся дрозд на обсиженное место!

Валя упал на правые, не в силах вылезти из вросших в плечи лямок. Они осмотрелись, привыкая к темноте и застоявшемуся воздуху, густой смеси мышинового помёта, плесени, табачного дыма и псины. Комната была примерно четыре на пять метров, между потолком и Васиной макушкой зазор не просматривался. Кроме вышеуказанной мебели почти посередине избы, чуть ближе к левому краю и дверям, стояла солидная буржуйка, целый буржуй, обложенная двумя рядами кирпичей, а к потолку были привешены целлофановые кули, штук десять. Их хозяева, видимо, так прятали что-то от мышей, но кули были в дырках и полны мышинового дерьма. Здешние мыши явно не собирались умирать с голоду. На оббитых дранкой стенах кое-где сохранилась штукатурка и газеты с портретами Сталина и Калинина вместо обоев. После снежной ямы и щелястой динамитки это был дворец. Но времени на восторги оставалось мало. Быстро темнело, поэтому друзья, спев «Боже, дураков храни!», принялись за благоустройство. Первым делом они сняли все мешки и, обсыпаясь следами мышинной жизнедеятельности, вынесли в сени и сложили там горой. Похоже, когда-то давно в мешках были сухари. Дров нигде не было, но Валя, забыв бояться мороза и шатуна, вызвался сходить до ближайшего забора. Большой друг с удовольствием доверил ему эту почётную обязанность:

– Долг каждого комсомольца в нашей с тобой первичной организации – обеспечить дом дровами. А я из комсомольского возраста, увы, вырос. Так что комсомольцы у нас, Валя – это ты.

Комсомольцам даже показалось, что их старший товарищ не ходит за дровами по каким-то принципиальным соображениям. Не медведя же он боится, в конце концов! А экс-комсомол, морщась от пыли, сгребал с нар какие-то подобия тряпок, все в собачьей шерсти, скинул со стола на пол всё, что там стояло, кроме керосиновой лампы, и содрал со стены ватман с героическим призывом ударить мозолистым кулаком онанизма по проституции с соответствующим рисунком. Подумал и слазил на чердак, проверил наличие медведя и не задевает ли труба за что-нибудь горючее. Вскоре подоспели дрова, огонь затрещал, вмиг съев полдоски, и Валя, вздохнув, снова отправился курочить забор. Когда он вернулся, в комнате стояло облако холодного пара, в котором был смутно виден фантазмагоричный Васин силуэт, подсвеченный керосиновой лампой. Открыли двери и вышли на улицу, поскольку в доме пошёл дождь.

– Первый раз вижу, чтоб дождь шёл в одной отдельно взятой избе, да ещё зимой, – удивился Валя.

Вася тоже удивился, но для солидности махнул рукой:

– Сколько угодно!

Но долго стоять на улице их не смог бы заставить даже ураган с грозой, разразись он в хибаре, и они полезли в сырость. Больше часа усиленно топили печь, уворачивались от падающих капель и вытирали воду со стен и потолка, после чего Вася, приплясывая от восторга и нетерпения, стал готовить ужин на сковороде, прокалив её предварительно в печи, а Валя, как опытный дровосек, в очередной раз пошёл к знакомому забору по уже протоптанной тропинке, окончательно уяснив для себя, что отдых зимой в тайге сильно отличается от общепринятого понятия «отдых».

В одиннадцатом часу они сели за стол и позволили себе роскошь снять штормовки. Вернее, содрать, ибо те примёрзли к фуфайкам. От предложения глотнуть спирт Валя категорически отказался:

– Нет! Только разбавленный!

– Тогда тебе фляжка с водкой, мне – со спиртом, и пьём по-магадански. Каждый наливает себе сам и хвощет без всяких там тостов-мостов.

Но алкоголь не брал ни того, ни другого. Состояние было перевозбуждённое. Они хохотали по поводу и без, шмальнули разик из ружья и всё никак не могли поверить, что путешествие позади, они живы и почти здоровы. Правда, болели носы, губы, плечи, поясницы, ноги,

помороженные пальцы рук, а у Васи – и ног, которые он в который раз обморозил, но он успокаивал себя и друга:

– Фигня! Было бы здоровье, а остальное купим. Ладно, мы вдвоём пошли, а я ведь хотел с собой Нинку притащить, одну нам на двоих. Заморозил бы бабу! Кого бы потом трахали? Замороженную ведь не трахнешь! Хотя, смотря в какой позе бы замёрзла. Понял юмор? Не понял? И я не понял. Вот умора!

Они доели макароны с тушёнкой, попили чаю без пельменного запаха, ещё раз подкинули в печь и рискнули снять «фуфло». Но в избе, хоть уже и не парило, было холодно, на потолке висели огромные капли, падающие на головы и за шиворот. Пришлось завернуться в одеяла, а сырые фуфайки повесили сушиться над печкой. По телу пробежал усталый озноб, и Валя решил попробовать уснуть. Одев сырую, но тёплую телогрейку, он перемотал портянки, вытер над собой потолок и лёг, подложив рюкзак под голову. С толстого сходило нервное напряжение: он ещё что-то долго болтал про интересную жизнь путешественника и тёплую Нинку, но собеседник уже провалился в сон.

Проснулся он от холода. Было темно и тихо, только изредка с потолка падали тяжёлые капли. Он минуту полежал, пытаясь заснуть, но начался знакомый озноб. Пришлось встать и остатками дров вновь растопить печь. Доски были сухие, смолёвые и горели – хоть водой поливай. Толстокожий Вася, скрючившись от холода, упрямо сопел на своих нарах. Огонь весело загудел, по влажным стенам забегали неясные блики, от печи мощно пошло тепло, и до Вали, пока ещё неясно, впервые дошло, зачем люди ходят, рискуя жизнью, в тайгу. Темнота, тишина, огонь, природа, одиночество вместе взятые необъяснимо меняли все ценности жизни, придавая душе первобытную романтичность. «Здесь у человека раскрывается всё: и хорошее, и плохое. Здесь ничего не спрячешь. Некуда. Голый перед самим собой. Спрятал – умер. Всё просто! Здесь узнаёшь, кто ты есть на самом деле и какова твоя цена. А как определить цену человека в сравнении с Тайгой? С Горами? В каких условных единицах? Какова цена моей жизни? Чтобы выжить, я убил четыре пихты. Цена моей жизни – полкуба дров. Но понять это можно только здесь. Скажи какому-нибудь горожанину: твоя цена – четыре палки дров! В драку кинется! А если этот горожанин – мэр? Президент? Президе-ент! Позвольте вам сообщить: ваша стоимость не превышает трёхсот рублей, включая штраф за потраву и судебные издержки. Но поймёт он это только здесь, сидя у буржуйки и потирая скрипящие от недетских перегрузок колени. Как Вася может спать в такой прекрасный час?» Мысль, раскидав годами строившиеся барьеры, летела прямо к цели, бронебойной пулей пробивая преграды между Вaley и Истиной. Момент Истины? Пик Победынадсобой? Ему захотелось сказать кому-то что-то очень хорошее и правильное, мудрое и вечное. Желательно – женщине. Увы, рядом был только Василий, внезапно коротко пукнувший и захрапевший в разлившемся тепле.

– Вась!

Но тот спал изо всех сил, недобро побулькивая животом. Валя взял со стола папиросу, неумело затянулся пару раз. В рот попал табак. Он кинул папиросу в печь, сплюнул под ноги и, уже заворачиваясь в одеяло, негромко произнёс:

– Нет, Вась. Ты, наверное, не чмо.

Но тот к комплименту остался безучастен.

Проснулся он от холода. Было темно и тихо, только изредка с потолка падали тяжёлые капли. Он минуту полежал, пытаясь заснуть, но начался знакомый озноб. Пришлось вставать, но дров уже не было. «Ночи какие-то бесконечные тут. Спать охота, холодно, грязища. Какая к чертям романтика!» Он нащупал руку друга с часами и долго таращился в светящиеся точки. «Неужели ещё только полвторого?» Но проснувшийся хозяин руки с часами доходчиво объяснил, что шупать в темноте его не надо, что цифра шесть должна быть внизу циферблата, и сейчас уже семь, пора вставать, поскольку работы – по колено.

– А где дрова? – удивился он, шаря руками по грязному полу.

– Дедушка Мороз упёр в трубу. Завтра ночью ты будешь печку топить, а сейчас я навожу порядок, а ты идёшь за дровами! Вопросы?

– Студент, ночёвки на свежем воздухе в моём обществе тебе явно на пользу. Приказы отдаёшь, хрипотца в голосе прорезалась. Ну и что, что от спирта. И вообще, кто кого сюда привёл? Наблюдательности бы тебе ещё, да опыту – с моё.

С этими словами Вася вышел из комнаты и через минуту гордо зашёл с охапкой дров:

– На чердаке чья-то заначка была. Уходить будем – надо вдвое больше оставить. Закон тайги.

После завтрака, состоящего из чая, мороженого хлеба, уже погрызенного мышами и сгущёнки, они принялись наводить порядок. Вымели мусор, распаковали рюкзаки и разложили содержимое по кучкам на полки, нары и пол. По ходу придумывали девизы: «Ни шагу назад, пока не сожрём!», «Едьба – залог здоровья, полноты и храброты», и всё в том же духе. Прикинули дневной рацион: на неделю хватало с избытком. Валя достал «Дьяволиаду» Булгакова. У Васи отпала челюсть:

– И ты пёр эту дрянью такую даль!?

Тот покраснел, но решил не отступить:

– А сам-то патронов набрал, как на войну пошёл! Хватит на два часа интенсивной перестрелки!

– Как говорит моя бабушка – лишний хер в заду никогда не помешает. Я завтра охотиться пойду. Тут рябчиков полно, глухарей.

– Без меня! Я эту неделю только за дровами буду ходить и в сортир. У меня вся тела гудит, да и медведь этот...

– Посмотрим, – охотник почесал бороду, – да, шатун не вовремя объявился. Тоже подумать: нахрена нам рябчики с глухарями? И так жратвы – гора, а ты животных убивать вздумал.

– Я никого убивать и не собирался, демагог ты колхозный!

– Значит, фиговый ты охотник. Нету в тебе азарту. Кстати, ты прислушивайся: шатун подкрадётся – труба дело. Его ни огонь, ни выстрелы не остановят. Он прёт, как танк. Голодный, злой, ему терять нечего: до весны всё одно не доживёт. Его только убивать. А мою пукалку пока зарядишь, да перезарядишь.

– А ты в него из пукалки – из ружья, из пукалки – из ружья.

– Не дерзи! Кто тут старший? Я!

Они нашли пилу, взяли топор и до обеда готовили дрова. Спилили две сырых берёзы, на ночь в печь класть, чтоб «шаили», покончили с давешним забором и принялись за другой. Пообедав, протоптали тропу к ручью и расчистили снег под отхожее место.

– Этот угол твой, этот – мой. Через неделю сравним, кто из нас больший засранец, – предложил Вася.

– Тут и сравнивать нечего: ты завтра же обе половины загадишь, ещё расчищать придётся. Я видел, сколько ты каши навернул: вчетверо больше моего.

– Куда там! У меня пища на доброе дело идёт, потому я такой большой и сильный. А ты только добро переводишь.

Во время этой работы Валя почувствовал, что заболевает. Суставы ломало, сил не было, горло болело. Дождавшись очередного перекура, он лёг на нары и задремал.

– Эй, хорош сачковать! Пошли ещё за дровами, я тебе покажу, как доски без топора ломать, – прогремел Вася над ухом.

– Похоже, я заболел, Василий. Простыл. Ломает всего.

– Как работать надо, так он заболел! Я же говорил, что ты засранец. Не в прямом, так в переносном смысле. Однако, надо тебя пинковым маслом смазать, чтоб не ломало, – пошутил он, но сразу посерьёзней: – Ничё! Было бы странно, если б мы не заболели. Я-то ко всему привык. Но завтра будешь как огурец, это я тебе говорю. Температура есть?

– Похоже, есть!

Вася извлёк из рюкзака килограмм таблеток и долго их перебирал, шевеля губами и морща лоб. Потом выругался:

– Ну и напридумают же названий! Шиш запомнишь эти аспирины-озверины. Нет, чтоб написать, где от горла, где от головы. Бля буду, их из одного ведра черпают и потом по разным тубикам рассыпают! Они же все одинаковые, как патроны! Вот эти два я точно пил прошлый год. Какие-то от температуры, а другие от поноса – я тогда с медвежатины жидко какал, – но не помню точно, какие от чего. Пей обе, хуже не станет. А я покуда баней займусь.

– Так тут и баня есть? – изумился больной, глотая таблетки.

– В десяти метрах, с другой стороны избы. Она маленькая, вся в снегу, ты её потому и не заметил. По-чёрному топится. Я прошлый год в ней с Лилькой парился и на каменку спьяну уселся. До сих пор шрам на задней левой щеке. С утра надо было топить начинать. Ну, поди ещё не поздно, она нагревается махом. Лежи пока!

Он подкинул в печку, сдвинул чайник на кирпичи, чтоб не перекипал, и ушёл. Вале было стыдно лежать без дела, но пока он настраивался в очередной раз за эти дни пересилить себя и встать, вновь уснул.

Проснулся он от толчка в плечо. Воняя дымом, рядом стоял в майке, трусах и валенках банщик:

– Пойдём, попаримся. Баня готова, ужин царский, водка советская.

– Сколько я проспал? – прислушиваясь к своим ощущениям, спросил Валя.

– Часов шесть. Ночью, небось, будешь Булгакина читать да печку кочегарить?

В избе стояла жара. Стены высохли, зато Валя был весь мокрый от пота, и у него ничего не болело.

– Это удивительно! Вась, а я, однако, выздоровел.

– Что, хорошие таблетки я тебе дал? Ни температуры, ни дрисни? В тайге, брат, долго не болеют: или вылечиваются, или сразу умирают. Так что вставай, раздевайся и пошли вениками похлещемся. Стираться будем в другой раз.

В одних валенках они добежали до бани и, пригнувшись, заскочили внутрь. Таких бань Валя ещё не видел. Размером она была с динамитку, только тут оказались нары в две доски шириной на высоте Валиного пупа, потолок был низкий – Вася передвигался скрючившись, – и треть площади занимала куча камней слева от входа, под которой был выложен очаг. В нём ещё мерцали искры. Всё, на что падал взгляд, было смоляно-чёрного цвета, только камни чуть светились бордовым. Вася зажёл свечку и поставил на пол, предупредив:

– Воды мало, тазик один, все стены в саже. Быстренько греемся, моемся, и хватит на сегодня. Я жрать хочу, как из ведра. Проработался, пока некоторые почивали на лаврах.

– Хорошо, что не в бозе.

– В какой позе? Ты это брось!

– Мыться давай, у меня ноги мёрзнут!

Вася буркнул что-то под нос и плеснул кипятком на каменку. Раздалось короткое шипение, волосы на Валиной голове затрещали, по обмороженному носу будто стегнули плетью.

– Твою мать! – он упал на корточки, поскольку внизу была полная зима, по углам белел снег.

– Причём тут моя мать? Я же сказал: пригнись! В бане что ли никогда не был? Ну, дело прошлое, залазь на полку, я тебя похлещу.

Валя осторожно залез на полку, предварительно обдав его кипятком и блаженно чувствуя, как его истерзанное холодом тело нагревается, набирает такое нужное тепло. Вася ещё наподдал и похлестал друга по костям клейким душистым пихтовым веником. Потом поменялись местами, и веник загулял по жиру с мясом. Быстренько поскреблись ногтями и мыльницами, смыли пот рыжей водой и неторопясь прошествовали домой, вытирая красные лица

снегом. На печи неостывал ужин: котелок перловки с говядиной из банки и жареная с луком свинина. В квартире на уровне головы была жара, а то, что на полу вода замерзала, так на то имелись носки и валенки с унтами. Валя оглядел свои мощи в обломок зеркала при свете двух свечей: нос красный, в коростах, губы потрескались, щёки заросли щетиной и шелушились. И что больше всего его поразило, и чем он сразу решил похвастать перед мамой по приезду – на плечах синели отпечатки рюкзачных лямок.

– Вот это да! Про такое я даже не читал, – показал он синяки Васе, – только бы не сошли за неделю.

– Ерунда, подновим на обратной дороге. Если надо, я тебе свой рюкзак отдам: для друга ничего не жалко, синей на здоровье! Кстати, и у меня тоже синяки, правда не такие цветастые. Я-то привычный рюкзаки таскать. А ты жилистый, оказывается, – продолжил он уже после первого тоста «За то, что дошли!», – физкультурой, небось, занимаешься?

Это был, пожалуй, первый вопрос по поводу личной жизни Вали, в то время как Валя про Васю знал почти всё, особенно где, кого и как, не задав при этом ни единого вопроса. На лекциях и переменах тот сам посвящал молодого друга в сложные зигзаги своей биографии, нимало не интересуясь – хочет он это знать или нет.

– Крепковата, чёрт! Да, занимаюсь. Давно уже, лет десять. Чем? Да всем. И борьбой раньше занимался, и волейболом, и лыжами, а сейчас в своё удовольствие гантелями машу да бегаю.

– Ничё не крепковата! Это ж заводская водка, не спирт. Давай по второй, за то, чтоб обратно дойти. А я только гандонболом занимаюсь. Кладу, так сказать, на лопатки и старых и малых. Мне что в длину прыгать, что в ширину – всё едино. Пробовал шахматами заняться в школе, да раз уснул за доской. Ка-ак дался мордой, чуть глаз об ферзю не выткнул. Опасный это спорт – шахматы. Чё смеёшься? А в армии ты где служил? Пехота – матушка? А-а, знаю! В разведке! Ты же маленький! За веточку спрятался, кузнечиком прикинулся и всё про супостата вынюхал. Угадал?

– Просто я не пил давно. Я вообще почти не пью, особенно водку. Нет, я, считай, и не служил. Жил то в городе, то на базах. Я бегал. Зимой – на лыжах, летом – без. Даже в футбол поиграл за СКА, когда ихний защитник ногу по пьяне в ванне сломал. Спорттрота. Может, слышал про такое заведение?

Васе вновь пришлось ловить челюсть:

– И ты молчал?!

– А что тут такого?

– Как что? Я б тогда на тебя оба рюкзака повесил и сам сверху сел. А то думаю – хлипкий парнишка. Ни фига себе хлипкий! Знаю я, что такое спорттрота. И как бегалось? Где кубки, ордена, медали, звания?

– Звание – КМС. А кубки с медалями в клубе. Один дома.

– И много их в клубе?

– Восемь. Три золотых, одно серебро, бронза есть. Но соревнования-то были несерьёзные, ты не думай, – Валя покраснел.

– Понятно. Как говорится, наши спортсмены заняли одно первое место и две больничных койки. Проиграли с минимальным счётом пять ноль. Конь ты гартоповский, а дистрофиком прикинулся. Решено: обратно на руках меня понесёшь!

– Я и был в детстве дистрофик, весь в папу. А потом бегать начал.

В этот вечер был бенефис Валентина Николаевича Макарова. Насквозь поражённый тем, что сидит с призёром международных соревнований в Финляндии, Вася только подливал из фляжки, подкладывал в печь и на тарелки и цокал языком, а призёр, впервые в жизни видя неподдельный интерес к своей скромной персоне, чесал языком про типы лыжных мазей и преимуществ «Фордов» перед «Волгами», пел то романсы, то матерные частушки, пока оконча-

тельно не окосел. Головы он не терял, всё видел и слышал, но язык начал цеплять за зубы, а напротив сидело два Васи.

– Обещала у сэрэду дать и сзадую и спэрэду. Я пришёл – тэбэ нэма. Пидманула, пидвила. Целовалась девка с милым вертолётчиком Гаврилом. Целовалась бы ишшо, да болит влагалишшо. Всё, дорогие Васи. На меня подействовало ваша водка дурацкая. Пора спать, а то сопьюсь с вами, с алкашами!

Он доскрёб холодную кашу из котелка, ужасно облизнул ложку по самую ручку, хотел залить котелок водой, чтоб остатки не присыхали, передумал и выкинул котелок за дверь:

– Медведь оближет! Представь, каково ему там щас одному, бедолаге, голодному, без печки. Бр-р! Миша, кис-кис! Хочешь каши?

Постелил одеяло, затушил свечку со своей стороны стола и завалился на нары со словами:

– Вот где кайф-то!

– Сюда бы бабу ещё, тогда был бы полный кайф! – со знанием дела пробурчал Вася, набулькал себе спирт из фляжки, выпил, прочувствовал, доел мясо, потушил свою свечку и тоже лёг.

Потрескивание дров в печи разрушало абсолютную тишину. На потолке и стенах плясали отсветы, навевая в души грёзы и воспоминания. Впрочем, каждому свои.

– Вот прошлый год мы ходили! Это был март! На этой наре мы с Лилькой досками скрипим, а на той, где ты – Андрюха с этой... забыл как звать. Неважно. Целую неделю полноценно отдыхали. Слабо три раза не вытаскивая? Я потом на Лильку месяц смотреть не мог, так объелся. И как только нары не развалились от таких плясок? А спелеологи как упёрлись в свои пещеры, так через пять дней только пришли. В глине все, как черти! Довольные! Каждый по своим дыркам прикалывался. Приеду домой, Валя, сразу на Нинку залезу, а потом уже лыжи и рюкзак сниму.

– Ты её так раздавишь, – сквозь сон заметил собеседник.

– Ну да! – Вася даже встрепенулся от такого вопиющего невежества. – Бабы, они как клещи: хрен ты их чем раздавишь! Только в отличие от клещей кусают круглый год. Я однажды махался с одной. В ней весу – не поверишь! – сорок килограмм вместе с бигудями. Вылитая моя бабка в двадцать восьмом году! В мой рюкзак две таких влезло бы! Так я от неё еле уполз! Чуть не умер с переёба, а ей хоть бы чуть. Хи-хи да ха-ха. Хочешь – на, не хочешь – всё равно на. Как от чумы потом от этой сикалявки бегал. Спишь? Ну, спи. И зачем я от неё, дурак, бегал? Сюда бы сейчас эту чумку. Неужели, Валь, мы бы с тобой её вдвоём не уработали?

Вася долго прикидывал, потом вздохнул:

– Нет, не уработали бы. Это тебе, Валь, не на лыжах чемпионаты выигрывать. Тут никакого здоровья не хватит. Знаешь, какое самое страшное слово для мужика? «Ещё!» Слушай, ты про баб чё-то ничего не рассказал. Про финночек и вообще. Не поверю, чтоб съездить за границу и не одной мадамы там не попробовать. Зачем тогда вообще туда ездить?

Не дождавшись ответа, он ещё покурил, нездорово поворочался, повздыхал, посетовал: «Надо баюшки, раз нет ебаюшки!», и, наконец, утих. И даже не слышал, как друг ночью дважды подбрасывал дрова в печь и, стуча зубами, не мог попасть ногой в рукав фуфайки, решив спьяну, что это штаны.

Валя проснулся поздно. Было уже светло. Приподнялся на локте, увидел несчастную Васину морду и пособлезновал:

– Что, бабы так и нет? У тебя вид, будто вниз лицом неделю спал.

– Тебе шутки, а я, кажется, тоже заболел. Курить не могу, башка трещит.

– Может, с похмелья?

– Какое похмелье! Что пил, что газету читал.

Валя полежал минуту, просыпаясь, потом встал.

– А я себя нормально чувствую. Пить только хочется. И чем тебя лечить?

– Раз ты вчера не помер, то тем же: две таблетки, баня и водка. Эх, бабу бы ещё в баню. Валь, почему ты не баба?

Выздоровевший Валя с удовольствием взялся за дела. Растопил печь, достал бич-пакет с пшенной кашей и сгущёнку.

– На завтрак – кашка-малашка, на обед – супчик-голубчик, а вечером снова мяса нажарим. Где котелок? Ты его, случайно, вместо женщины ночью не использовал?

– Там, куда ты его вчера положил, извращенец.

– Это где?

– На улице! Я тебе больше пить не дам. Ты ни черта пьяный не соображаешь. То плёл, что две Олимпиады выиграл, то медведя пошёл кашей кормить, а потом пытался его трахнуть. Косолапый еле честь спас. Не помнишь, поди?

– Всё я помню! Не было такого! Это ты, того гляди, медведя трахнешь, Бедная Нинка! Я представляю, что её ждёт! Может, чтоб успокоился, дать тебе снотворное со слабительным?

Каша быстро сварилась. Позавтракали. Больной прописал себе постельный режим, заметив при этом, что в его, старого таёжного волка, понимании, «пастельные» цвета – это серый, коричневый и чёрный со следами сапог, и что кроме цветов существуют «пастельные» запахи, возникающие в случае долгого бессменного использования простыней и вкладышей спальных ков. Здоровый отправился по традиционному маршруту: дрова для дома и бани, вода туда и сюда, мытьё посуды. Поставив вариться бараньи кости, он поинтересовался, не надо ли больному сделать клизмочку с порохом и картечью, и пошёл топить баню, хотя был послан гораздо дальше. Занятие это было не из лёгких. Через пять минут после его начала к бане можно было подойти только на четвереньках: из всех щелей и из дырки под крышей валил дым. Чтобы подкинуть дрова в очаг и остаться при этом живым, надо было открыть дверь, пасть ниц, выпуская здоровенного джина, набрать в лёгкие побольше воздуха и быстро сунуть пару поленьев туда, где сквозь завесу светило пламя. И так каждые полчаса с часу до семи. Васино состояние опасений не вызывало. Он вообще от природы был хронически здоров, хоть и чихал часто, со стоном вытирая помороженный нос. Пообедали. Валя помыл посуду, и они вылезли на улицу, где всюду светило солнце.

– Эх, сейчас бы за рябчиками пробежаться! – вздохнул со стоном Вася.

Сидеть на чурках с полным пузом было более чем приятно, бежать никому никуда не хотелось.

– Дело в том, Валя, что охотники такого уровня, как я, никогда патроны с охоты домой не возят.

– Так давай по банкам постреляем!

– Лентяй ты. Ну да чёрт с тобой, уболтал!

Валя, уважая возраст и былые заслуги друга, не стал уточнять про уровень, взял банку из-под каши и нацепил её на сучок метрах в тридцати от избы. Принёс ружьё. Вася закурил, зарядил «тулку», выбрав дробь помельче, и выстрелил. Банка покачалась и нехотя упала. Валя с трудом нашёл на ней пару вмятин непонятного происхождения. Очередь стрелять была его, когда раздалось:

– И-и-а.

– Осёл-шатун, что ли?

У стрелков глаза полезли на лоб. Но рядом с банкой, нагло вертя хвостом, уселась здоровенная кедровка и повторила:

– И-и-а.

– Врежь-ка ей, чтоб не издевалась! – азартно заёрзал Вася.

Грохнул выстрел. Дичь вспорхнула и резко пошла вверх.

– Надо было мне стрелять! А ещё спортсмен!

Вася в сердцах хотел добавить пару определений к спортсмену, но птичка, раскинув крылья, дельтапланом спланировала в кусты на берегу Подлысана, послышался мягкий удар. Валя снисходительно глянул на друга:

– И с этим ты в лес ходишь? Кедровка от смеха умерла, а медведь нам жопы на британские флаги бы поразорвал!

– Я из него косулю на сто метров брал! – возмутился тот, забирая у Вали ружьё. – Может, порох отсырел?

Валя долго шарился в кустах, пока не отыскал добычу, зарывшуюся глубоко в снег. Он впервые нёс мясо, которое не купил в магазине, а добыл сам, в тайге, и это было ни с чем не сравнимое чувство.

«Надо будет ружьём обзавестись, если деньги будут. Главное – маму уговорить».

– И что ты теперь будешь с этим делать? – поинтересовался у него расстроенный Вася.

– Не знаю, я никогда их не ощипывал, – честно признался охотник.

– Ладно, сынок. Учись, пока папа жив! Засекай время!

Часов под рукой, в смысле – на руке – не было, но вряд ли прошло три минуты, когда Вася протянул ему кусочек мяса с кулачок.

– И это всё? А остальное были перья?

– Сваришь – ещё усохнет. Так что шагай в лес, ещё штук двадцать добывай, тогда на ужин мне хватит. Я – старый птицефил. Но перед этим в баню подкинь! Погасла.

Валя нажарил мяса – нормального, – они взяли на этот раз чистые трусы и майки и, стуча зубами, босиком пробежали в «Сандуны». Снег по углам заведения растаял, каменка светилась сильнее вчерашнего. Они решили не торопиться и парились, пока не изнемогли, дважды выбегали на улицу, окутанные паром, падали в снег и даже умудрились в голом виде покурить на крылечке. «Каково же было здоровье русского крестьянина, который всю жизнь работал на свежем воздухе, не курил и при минус сорока прыгал в прорубь после бани!» – думал Валя, смоля папиросу.

– Ты же не куришь, Валя!

– Я и не пью. Неделя расслабухи не повредит, а то издёргался перед сессией.

– А к женщинам как относишься?

Валя окутался дымом. После добычи кедровки он счёл возможным не отвечать на дурацкие вопросы.

– Понимаю. Настоящие мужчины об этом не говорят, а только многозначительно улыбаются. Молодец, не то, что я. У меня в паспорте уже штемпеля ставить некуда в графе «Семейное положение». Как говорится, многократно женат, но ещё немного интересен. И ведь про всё рассказать хочется, опытом поделиться. Ну, пошли в избу, за железной рюмкой поговорим, а то я уже упарился!

Окончательное выздоровление Васи происходило на глазах, и после третьего тоста «За любовь к тайге и женщинам!» он был как огурец, не считая соплей. На этот раз гарсонил Валя. Он быстро подкидывал в печку, быстро ел, каждые пять минут интересовался, вспомнив маму, не надо ли чего больному, и Вася, наконец, не выдержал:

– Кончай ты мельтешить! Сядь солидно, выпей чинно, закуси неспешно! Не превращай закуску в еду. Знаешь девиз древнеримских проституток? Не суетись под клиентом! А ты вечно бежишь куда-то, будто наскипидаренный.

– Да вроде не бегу.

– Нет бежишь! А почему? От общей хронической неуверенности в себе! Вот, ты думаешь, как бы мне не было холодно. Молодец! Но о себе-то ты тоже думай! Почему ты про себя никогда не рассказываешь? В группе о тебе никто ничего толком не знает, а ведь расскажи всё – и девки к тебе липнуть будут, как мухи. А ты всегда только слушаешь да головой киваешь. Хоть раз бы меня перебил для разнообразия! Слишком ты уважаешь всех. Не то сейчас время,

чтобы ножкой шаркать да ручки дамам целовать. Дамов-то нету! Нет, чтобы кулаком по столу – бац! Молчать, говно! Я про себя сейчас расскажу. Кто пикнет-пукнет – носки на голове заштопаю и в уши наплюю!

– Кому это интересно – про меня слушать? – Валя не краснел, так как краснеть после бани и водки было уже некуда. – А узнают, что я бегаю, и сразу начнётся: пробеги за курс, за институт, за другой институт да за два сразу... Мне эти бега казённые вот где сидят! Нашли коня. Меня после армии оставляли в команде, да я не согласился. Ну что это за работа: спорт. Жизнь собачья, отдыха никакого, тренеры заколебали. Знаешь, Вася, сколько там гнилья, в спорте? Где деньгами пахнет, там сразу гниль заводится. Я когда это понял, то сразу сказал себе: ша! Это не для меня. Характер не тот.

– А чё ты взялся оправдываться? Потому что послать не можешь! Правильно говоришь: характер не тот. Ты краснеешь вместо того чтобы в рыло дать. И из спорта ты от неуверенности в себе ушёл. Тебя мама сильно плотно в детстве опекала. Так? Так! Будь у тебя наглости, как у меня, ты бы точно уже на Олимпиаде что-нибудь завоевал. Странный ты. В загранку нахалюву возят, почёт, медали, бабы вокруг тащатся, а он отказался! Поехал бы на чемпионат, заработал кучу денег, женился на американской мильённице. Уж коль до Подлысана дошёл, так чемпионат мира ты бы на одной лыже выиграл!

– Ты думаешь, так просто туда попасть, на чемпионат? Во-первых, я не так уж хорошо бегал, мне ещё было пахать и пахать. А потом, знаешь, сколько жоп надо вылизать, чтоб тебя в сборную взяли? Хорошо бегать – полдела. Надо ещё уметь бегать на полусогнутых перед начальством.

– Да, это я тоже не люблю. Если так, тогда конечно. Нафиг такие унижения. Путь они сами бегают на чемпионатах мира по бегу на полусогнутых с вылизыванием. Новый биатлон: стрельба стоя после вылизывания лёжа.

– У меня и цели такой никогда не было. Я всегда для себя занимался, а деньги, машины – для бедных духом цель жизни, «рай для нищих и шутов, мне ж как птице в клетке», как Высоцкий пел. Пена жизни. Годами потом отрабатывать этот несчастный «Мерседес»! Да я минуты за него не дам! Нельзя время измерять рублями! Меня, к примеру, раз пять в рестораны водили. Не по мне всё это. Велика честь: пить водку, разбавленную официантом! Я вот тебя послушал и сразу понял: вот оно! Это – по мне! Геология – это нечто большее, чем работа или наука. Это... это что-то опупенное! Радость на душе! Свобода духа! Походы, романтика, медведи, гнилые палатки, водка из поллитровых кружек. Но неразбавленная! Это звучит гордо! И тосты: за девок, за дружбу, за то что дошли-таки! А не за здоровье какого-то директора акционерного общества «Дружба», который из своих ворованных миллионов сотню дал команде на новый мячик. Это новым русским всё деньги подавай и ничего кроме денег. А мы, Вася, старые русские. У нас главное – душа, и я этим горжусь. По-моему, целью государства и правительства сейчас должно быть воспитание человека порядочного, не склонного к стяжательству, как всегда и было на Руси. Сам погибай – товарища спасай! Сам не пей – другу налей! А нынче страну продают, отдают затак. У большинства цель жизни – телевизор да видик. По телику реклама да враньё. Если это – демократия, то я её отвергаю всеми фибрами души. Вот Булгаков – молодец! Он...

– Перекури! – Вася сочувственно глядел на соседа, пока тот, горя и искрясь, разливал по четвёртой. – Тебя послушаешь, так сопли на глаза наворачиваются. Надо твоим родителям ещё одного такого же заказать, любителя Булгакова. Не обижайся, Валя, но родился ты в таком случае не там и не тогда. Сам же говоришь, что грязь кругом, а ратуешь чуть ли не за коммунизм. Будь реалистом! Да правительство навалило на твой русский дух! Ему не дух твой нужен, а голос на выборах. И чтоб ты пахал больше и залупался реже. И потом сдох в первый день выхода на пенсию. Послушай радио: в Германии погибло девятнадцать человек. А у нас? Около двадцати. Ты можешь себе представить пять миллионов человек? Пять Красноярских! И вот

они умудряются пропасть без вести во время войны! С тех пор изменилось всё, кроме отношения власти к людям в нашем благословенном Отечестве. Я двумя руками был за Горбачёва в восемьдесят пятом! А чем всё кончилось? Последнее разворовали. Без вести пропал золотой запас страны! Где когда такое ещё было? Крым профукали, целину, Кавказ. Про исконно русскую Прибалтику вообще молчу. Сегодня я уже не ругаюсь, а жду, когда это государство развалится окончательно. Нельзя же только воровать! Или можно? Точно брякнул какой-то поэт: умом Россию не понять! С тех пор как ни правитель, так мозгов в голове меньше, чем у моей бабули в заднице. Всё равно ничего не понять! Зачем мозги? Это за руль садиться – справку подавай! А страной управлять – никаких справок не надо! Главное, блин, интуиция. Как мы с тобой на авось в тайгу прём, так они страну ведут. Ляпнет чё-нибудь с похмела, а страна потом годами слезами умывается. Что цари, что генсеки, что президенты – одного поля ягода. Ты во всём прав, но не проживёшь ты здесь, думая сначала о народе, а только потом о себе. Этот народ такой чести не заслужил. Тебя затопчут, если ты хоть раз, Валя, хоть один разик променяешь столичную финскую баню с начальником и его секретутками на закопченный полоч с пьяным Васей. И затопчут тебя не злые начальники, а такие же, как ты, потому что ты позволишь им это сделать. Дашь сдачи – зауважают. Будешь христианствовать – сожрут с потрохами. Выбери, чего ты хочешь в жизни. Человек никогда не движется по горизонтали. Он идёт или вверх, или вниз. Остановился на секунду, зазевался, клювом щёлкнул, не в той бане попарился – и тебя тут же обгонят и обгадят. Главное в нынешней жизни – деньги и карьера, а они делаются в ресторане, в бане, в «Мерседесе». Поздно ты родился. И я поздно родился. Вовремя родился только дедушка Ленин, и теперь вся Россия плачет, что родилась не в прошлом веке. А в прошлом веке плакали, что вообще на свет родились. Короче, я уже зарекался не портить себе настроение такими разговорами, не ходить на выборы и не лезть в начальники. Ругаться бесполезно. Эту страну надо выжигать калёным железом, иначе толку не будет. Может, я и не прав. Давай-ка лучше о женщинах покалякаем.

– А я верю, что мы будем нужны стране! О нас ещё вспомнят, и не раз. И мозги наши понадобятся, и в русское чудо верю, в возрождение величия России!

– Гип-гип! Пей, Валя, за русское чудо. Оно уже свершилось: такую страну насмерть упиздякали! Никакой войны не надо! Дадут объявление: принимаем танки и ракеты на металлолом – и через месяц бери нас голыми руками: всё сами продадим и пропьём. Но блажен, кто верует и да продлятся дни твои! И мои заодно!

– Спасибо, Вась, ты настоящий друг! Ты мне этим походом так много открыл в жизни, во мне самом, тьфу, смамом, я бы прям расцеловал тебя!

– Нет, Валя, я не голубец, с мужиками не целуюсь. Вот бабца я бы сейчас поцеловал куда-нибудь в запястье ноги, где трусы начинаются и сразу налево тут. Не могу прям без прекрасного жить! Дали бы мне волю – каждый раз перед едой употреблял бы.

– А я сильно собак люблю. И больше всего дворняжек.

Вася долго качал головой, настраивая резкость, потом всё же удивился:

– Ну ты даёшь! А мать твоя знает, что ты собак... ну... того...

– Ой, не могу! – Валя упал на нары.

До друга дошло, он тоже затрясся от хохота, наливая не то по седьмой, не то по восьмой:

– А я думал... Даже испугался! Ну, подохнуть на месте! Давай-ка выпьем и спать, а то мы сейчас с тобой договоримся.

– А можно я сперва тебе своё сочинение прочту? Я его давно замышлял, а написал только вчера, когда ты спал.

– Ну, валяй, если не долго.

И Валя стал торжественно зачитывать свой первый в жизни литературный труд.

ВАЛИН ТРУД

Снег на душу. Так называется. Снег валил, как из ведра, хоть и был конец апреля. Я почему-то про апрель написал. Тяжёлыми хлопьями падал на уже распустившуюся вербу, на вылезшие сдуру из земли одуванчики, на крыши домов, на дороги и тротуары, вынуждая сбавлять скорость водителей и пешеходов и материться дворников. Те решили было, что снеговые лопаты можно убрать подальше. Я на балкон её обычно прятал, чтоб не упёрли, – Валя глянул на слушателя, – ты не спи, давай! Снег падал на зонтики всех мастей, прикрывающие головы и плечи вечно спешащих куда-то, злых, без улыбки, горожан. На взлётные полосы аэродромов, способствуя скоплению пассажиров и спекулянтов в залах ожидания и радуя буфетчиков: залежалые бутерброды поглощались на «ура» и коньяк в разлив шёл наперегонки с чаем. Немногочисленные селяне, прервавшие и без того неторопливую пахоту, доедали квашеную капусту, выходя из зимних запоев, ремонтировали древние трактора, по привычке готовясь к очередной битве за урожай, под шелест снега мечтая о частной собственности на землю, как в Англии. По-чёрному ругались гаишники: попробуй, измерь скорость машины при видимости сто метров. Да и ещё авария случилась с междугородним автобусом: не увидел водитель светофора, – привык по трассе катить без препятствий, – и подставился на первом перекрёстке под «жигуля». Никто не пострадал, но ведь надо бросать ответственную работу – сшибать червонцы с иномарок, и ехать разбираться, протокол составлять. Мы два часа в этом автобусе просидели, пока их дождались, даже лыжню осмотреть потом не успели толком. Ты не спи! Хлопья всё увеличивались в размерах и уже здорово мешали работе локаторов, но и самолёты-шпионы в такую погоду не летают: не видно им никаких секретов, кроме туч, что ж зря рисковать? Под тяжестью стихии провисли провода и ветки деревьев. Тут уж, где какой изъян, провод рвётся, ветка ломится, в лесу шорох от миллиардов падающих огромных снежинок. Потрескивают оттаявшие было сдуру после зимы ветви. Мело, мело по всей земле, во все пределы. Свеча горела на столе, поскольку лампочку украли. Немногие выжившие, но доживающие век из племени романтиков-геологов, чудом получившие деньги на полевые работы, сычами сидят в палатках и избушках, курят у печек, читают кто Булгакова, кто Толкиена, и усмеваются в бороду: «Не такое бывало, зимовали в палатках, а уж это – тьфу, не приключеньице даже. Дрова заранее заготовлены, до воды тропинка протоптана, тушёнка и чай под раскладушкой, а что палатка протекает от старости – так не над головой же!»

Снег валил уже как из вёдрышка. Эй, ты не спи там! А капитаны «Ракет» и «Восходов», застигнутые стихией врасплох, на малых оборотах, брызгая слюнями на штурвал, добивались до ближайших пристаней. Водители «СуперМазов», в очередной раз сдуру растележившись поперёк дороги кто у Тайшета, кто за Читой, поджидая тягача, кляли Бога на третий день после Пасхи, наливали с горя по маленькой – всё равно ещё триста километров впереди ни одного гаишника, и зарекались ездить по Богом, чёртом и правительством проклятой трассе. А снег – это просто мёрзлая вода, падающая откуда-то сверху. Он не виноват, что он падает. А если кому-то это не нравится, так надо было селиться на Марсе. А уж коль Адама, Еву и всех их потомков без права выезда поселили сдуру на Земле, то принимайте, господа-товарищи потомки, всё как есть, как это делают йоги, умные писатели и геологи в палатках, и не гневите Бога, а то он может и похлеще что-нибудь устроить. Ведь он не зря на кресте висел.

* * *

– Не просто висел, а – сдуру, – закончил благодарный слушатель за Валю. – Ну и чушь! Я ни капельки не врубился, к чему это всё написано. Ну, снег. Ну, автобус. Ну, лопату ты прятал сдуру на балконе. Адам с Евой на ракете. В чём, как говорить, все ссут? Зэ брэд оф сиф кэбэл.

Валя, не ожидавший такого жестокого разноса, молча кивал головой, проклиная себя за то, что так разоткровенничался и ненавидя противного критика за толстокожесть. Ему своё произведение показалось очень даже неплохо написанным.

– А Васька слушает, да жрёт! – выдавил он наконец.

– К твоему сведению, Валя, я уже давно сочиняю. Мои стихи даже в стенгазете в техане были. И все хвалили. Как же там начало? А! Я иду по тайге и тропа глубока. Не устану любить это слово – тайга. Не впервой мне в тайге эти тропы торить, не впервой мне в лесу в одиночку ходить. Дальше не помню. Вот это от души! Не то что снег твой сдуру из помойного ведра. Жопу вытри и забудь!

– Я такой стих сочиню за пять минут: – оскорблённый прозаик чуть не плакал от обиды и решил хорошенько отомстить, – не впервой в котелке мне картошку варить, не впервой по тропе дуру-Нинку тащить. В третий раз по тропе скоро буду ходить. Сильно нравится мне в одиночку блудить. А тропа глубока, а тропа далека, далека-далека, глубока как река. По реке поплыву, как известный топор, проплывая Туву погляжу на забор. Я на лыжах хожу, и без лыж я бреду. Я о прозе сужу, как макака в бреду. Фигня это, а не стихи! Не позорь больше стенгазеты! Пушкин из тебя, как из задницы – соловей!

– Ну уж и фигня! – растерялся поэт, не ожидавший от сушёного романтика столь резкой отповеди. – Не нравится – не слушай! И вообще я спать собирался.

Он завалился на фуфайку, зло обматерил скрипучие нары и подытожил вечер:

– Стихи надо уметь слушать. Душой! Это не проза твоя идиотская! – и пока Валя готовил ответный залп – захрапел.

– Из всех поз, принимаемых человеком во сне, обязательно найдётся такая, в которой он, зараза болотная, захрапит! – пробубнил Валя, набросил на голову фуфайку и через минуту тоже засвистел на все лады.

На другой день оба были здоровы, если не считать болячек на носгах. О вчерашней стычке на ниве творчества не вспоминали. Съев котелок пшённой каши с маслом и сахаром, они пошли оглядеть окрестности и пофотографироваться. Погода стояла чудесная: светило солнце, но январь – это не в Африке январь: на самом «солнцепёке» вряд ли было теплее минус двадцати. Прошли по посёлку из конца в конец. Трудно было определить, что за люди здесь жили. Но не крестьяне. Кругом стояла чёрная тайга, куда ни глянь – горы. Тут явно никогда ничего не сеяли. То ли золотоискатели, то ли спецпереселенцы. Да и избы какие-то не сибирские, основательные, а скорее на украинский или литовский манер, маломерки. Самых изб практически не осталось. В основном виднелись покосившиеся срубы и заборы, местами заплетённые ржавой колючей проволокой.

Они прошли по своей лыжне, стрельнули по паре раз в забор, сфотографировали друг друга, пейзаж и свою избу издали. Вася нёс капкан с кастрюлю размером и банку с маринованной гадюкой, которую он к великой радости нашёл на чердаке.

– На такую приваду, Валя, соболю сюда из Иркутска прибежит. Знаешь, какие шапки красивые из баргузинов? Они от этого запаха змеиного дуреют, как я от пухлой женской попки.

– А где ставить будем?

– А хоть где. Давай вон под той ёлкой, чтоб, когда он попадётся, далеко не ходить. Ноги-то не казённые. По-моему, это место должно ему понравиться.

– Почему ты так решил? Был когда-то сободем?

– Достаточно быть хорошим охотником.

Вася с трудом разинул зубастую пасть огромного волчьего капкана, засунул его в снег, а вонючий кусок змеятины привязал на верёвочке над ним.

– Ну и вонища! Срочно в баню! Бе! Как бы соболю на меня не кинулся.

– Вряд ли он такой дурак, чтоб тебя с гадюкой перепутать. Ведь ты не кидаешься на пень, если от того несёт Нинкиной задницей.

– Скоро я точно на пень кинусь, если ещё неделю здесь монахом проживу, это ты верно заметил. Бедные монахи! Сто мужиков сутками думают только о бабах, а делают вид, что – о боге! Извращенцы, прости господи!

Он долго тёр руки снегом, нюхал, бекал и снова тёр. Проверка этого капкана стала ежедневным ритуалом и внесла некоторое разнообразие в жизнь отшельников: было теперь куда сходить целых пятьсот метров в один конец. Через три дня около капкана кто-то мелко накал на их лыжню.

– Соболь, точно! Осторожничают, гад. Ничего! От моего капкана не уйдёт!

– А это не мышье дерьмо? Уж больно мелко гадит твой соболь.

– Это от запаха змеиного у него очко сжалось. Баргузин, не иначе. Теперь точно попадётся!

Увы, мёрзлый кал неизвестного животного оказался единственной их поимкой, и перед уходом старый соболятник захлопнул капкан и выкинул его в ручей:

– Таскать тебя, бездельника! Такая змея была! Кретины здесь, а не соболя!

После установки капкана ещё постреляли по пням и прихватили дров.

– Славно мы нынче поохотились, Вась, на уровне! – язвил Валя. – Два пня завалили!

– Охота – это когда и ему охота, и ей охота.

– Кто о чём, а Вася про то же.

– Да, Валя, женщины – моя слабость. Вторая после охоты.

– На женщин?

– Как увижу какую-нибудь – сразу влюбляюсь по уши, аж трусы дымят. А через десять минут вижу другую – и про первую забываю. Вернее, уже двух люблю, аж дует по ночам. Меня в рай знаешь, почему апостолы не пустят? За деву Марию опасаются! И за остальных дам, что на этом свете от меня скрылись. Я первый раз почему женился? У неё титьки были – во! Идёт – коленками пинает. Вымя, а не грудь. Формула фигуры – сто сорок на сто сорок на сто сорок. Особенно первые сто сорок! Я к ней и так, и этак, а она мне заявляет: «Я вас, мужчин, ненавижу, вы все от природы подлецы и бабники, и пока не женишься – ничего не получишь». Пришлось жениться.

– Что, неужели из-за титек?

– Да, Валя! Я все глаза на них повывихивал! Спать не мог ночами! Мне уже снилось, будто я муравей, и по ним бегаю, как по горам, и кусаю.

– Ты – маньяк!

– Мне это уже говорили, но я не согласен. Просто у меня порода такая. Дед армянин, бабка – еврейка, а я, естественно, русский. Отец сейчас пятый раз женат, и я в него пошёл.

– И долго ты с этим выменем жил?

Они уже пришли к избе, Валя щепал доски на растопку, а Вася вымыл руки с мылом, внимательно их обнюхал, бекнул и стал щёлкать фотоаппаратом во все стороны.

– Почти два года.

– А почему ушёл? Ещё большее вымя увидел?

– Нет, она меня сама прогнала. Я, говорит, знала, что ты мне будешь изменять, но что ты такой блядун – не подозревала. А я всего лишь с её сестрой перепихнулся. Этого она мне не простила. Та глухонемая была, мне её просто жалко стало. Всё одна да одна баба. И формула неплохая. Кинул ей пару палок по-родственному. А со второй разошёлся потому, что она всё сама норовила делать. Мне же нравится женщину потискать, расстегнуть там чего-нибудь, снять. А этой будто «Рота, сорок пять секунд отбой!» скомандовали. Догола раздевается, да ещё и с меня успевает рубаху стащить. Прыг сверху как тигра, только в горло не впивается, будто она мужик, а не я. Я ей: Леночка-Ленулечка, а Ленулечке до фитиля. Прыг – бух – трах – и спит уже. А я как дурак лежу и думаю: занимался я любовью или показалось? Она из Новосибирска родом. Думаю, что там она все панели жопой пообтёрла да в Красноярск свалила новую жизнь начать. А тут пьяный Вася поехал с горки на Новый год и её сбил. Я тогда многих посбивал, прежде чем на неё наехать. И она быстренько на мне женилась, профессионалка чёртова.

Поставили варить кедровковый суп, принесли воды, и Вася продолжил большую тему.

– Пить потом стала. Уходит к каким-то подругам, приходит пьяная. Дальше – больше. Однажды ушла – приползает под утро в стельку. Пообрыгалась да пообоссалась вся, – он сморщился, вспоминая, закурил и плюнул, – ну я ветвистые рога-то почесал, собрал чемодан да к Ольге ушёл без лишних скандалов. У той муж подводником служил. На Камчатке нырнёт – около Кубы вынырнет, Америке погрозит и обратно на дно. А ей-то скучно десять месяцев в году без постельного инструмента. Вот я и помогал ей мужа ждать. Можно сказать – оборонял тылы Родины. У меня тогда дежурная шутка была: подмылась ли ты на ночь, Дездемона? А у неё: когда вернёшься, кобелино? Умная была, как собака! Всё понимала! А потом муж во время какой-то аварии погиб, и она меня выгнала. Фиг поймёшь этих женщин!

– Я вижу, к проблеме взаимоотношения полов, Вася, ты относишься очень серьёзно. Интересно, осталась в радиусе пятисот миль ещё хоть одна женщина, которую бы ты не поймел? По-моему, нет.

– Осталась, друг мой, и не одна! И это меня больше всего угнетает. Как говорить, нельзя поймать всех женщин в мире, но надо к этому стремиться. Их много, а я один, как в попе дырочка! Как представлю, что они с кем попало спят – мне их так жалко становится! Ведь я их всех люблю! Был бы я падишахом – у меня не гарем бы был, а гаремище! Я тоже не там родился и не тогда. Знаешь, чем надо заниматься, чтобы не было потом стыдно за бесцельно прожитые годы? Да-да, этим самым. А мы, два идиота, залезли к чёрту на рога и радуемся непонятно чему. Как можно радоваться, если рядом нет ни одной особи противоположного пола? Поступило предложение: завтра же идём домой. Осточертел мне этот гнилой барак, этот лес, это небо, эта печка.

Но Валя это предложение с негодованием отверг, поставив ультиматум: он остаётся на весь срок, а хлюпики и любители заглядывать под подол могут отправляться прямо сейчас, не евши чудесного кедрового супа. И Вася уступил, вновь пообещав наверстать упущенное в первые же два часа после приезда.

Они ещё долго, по словам Васи, «трахали дрова, бросали палки, имели бревно, произвели множество фрикций пилой и занимались любовью с фотоаппаратом». Наконец, Вася сменил одну болезную тему на другую:

– Я жрать хочу, как стадо волков! Даже воробьём твоим не побрезгую.

– Ты, Вася, как кукушонок: большой и жрать хочешь каждые десять минут. А я тебе только успеваю дичь носить.

– Я Вيني Пух Большой Член, а не кукушонок!

С этими словами Вася схватил свой килограммовый тесак и, издав воинственный клич, кинул в стену. Тот ударился ручкой, дзынькнул, и как мячик отскочил, попав жалом хозяину чуть выше колена. Вася сел на нары, пробормотал:

– Дурацкие шутки до добра не доводят, – и начал снимать штаны.

Стянул брючину, глянул на залитую кровью ногу и, опрокинувшись навзничь, по-дикому затряс руками и ногами. Валя столбом стоял посреди избы с ложкой соли в руке, не веря глазам. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы переварить случившееся. Наконец, он осознал, что друг не шутит, а действительно потерял сознание и надо что-то делать. Он кинул соль в бульон и бросился к аптечке, нашёл бинт и, подскочив к потерпевшему, затряс его за плечи. Вася сказал: «А!» и поднялся. Посидел с закрытыми глазами, потом спросил:

– Я что, сознание потерял?

– Да. А я нашёл.

– Ты перевяжи меня! Я на кровь смотреть не могу. Сильно льётся?

– Нет, чуть-чуть.

Валя вытер кровь и сообщил:

– Тут дырочка-то полсантиметра, а ты умирать вздумал. Может, в сосуд какой попал?

– Да перевязывай ты, садист! Я сейчас опять вырублюсь. Дай нашатырь, на окне ампулы валялись!

На подоконнике лежали: обломки мух, комаров и других кровососущих и не очень, жменя ржавых, но вполне годных хлюпеней, шестёрка пик, валет бубён, папковая гильза двенадцатого калибра, два погрызенных мышами свечных огарка и восемь ампул с нашатырём.

Перевязка кое-как была сделана. Вася навонял нашатырём и лежал, закатив глаза и бледный, как покойник.

– Н-да, на кукушонка ты не похож. Скорее, на поросёнка. Вон, сколько крови вытекло! Меня насухо выжми – столько не будет.

– Юноша, ваш юмор неуместен. Я с детства вида крови не переношу! Это даже как-то называется по – научному, не помню как.

– А ещё охотник! Ты меня больше не пугай так! А то я не помню даже, солил суп или нет.

Вале вновь пришлось быть за повара, истопника и сиделку, хотя раненый, немного оклемавшись, известил, что всегда предпочитал лежалок.

Птица оставалась твёрдой, хоть и варилась третий час. Валя без малейшего сожаления скормил её больному, а на бульоне сварил суп с макаронами и замороженной картошкой.

– Помираю! – стонал раненый так, что штукатурка сыпалась. – Бабу мне белую-белую! А, впрочем, какая разница? У чёрных тоже, поди, не поперёк?

– Неужели так умираешь, что даже какой-нибудь Василисой Ужасной из Заира не побрезговал бы?

– Как говорит мой папа: ввиду отсутствия святой девы Марии будем сношать Николая-угодника! Из Заира, из Вьетнама, из Антарктиды – всё едино! Ночью все кошки серут.

Могучий организм с помощью супа, крепкого чая и водки быстро восстановил все потери. Они допили третью фляжку, и Валя участливо спросил:

– Как нога, товарищ Вيني Пух? То есть – Большой Член?

– До очередной свадьбы заживёт! Меня сейчас уже другое не на шутку беспокоит.

– Что! Кровь сдал, теперь бы ещё сперму куда-нибудь определить, чтоб на мозги не давила? Так нож ещё раз в стенку кинь и встань поближе! Пусть чуток повыше проколет!

– Нет. Кал. Три дня едим как на убой, а ведь ни разу не посрал. И у тебя, как я понял, та же проблема: дристалище-то чистое! Хорошие таблетки, чёрт бы их побрал. Не пришлось бы ломиком ковырять. Был у нас такой случай, когда рабочий мумия обпился. Думал – брага. Ты бы видел, сколько он потом навалил!

– Есть такое дело. Уговорил. Берём свечку, и пошли свежим воздухом дышать.

Они установили свечку на нейтральной полосе посреди полигона как мяч перед началом игры и сели по краям.

– Ну? Как дела?

– Пока никак. Замёрз уже.

– Шатуна бы на пару минут! Он от запора хорошо помогает!

– Чувствуется, Вася, что ты с ним уже встречался, коль знаешь такие подробности.

Был такой мороз, что, казалось, пламя свечи от него делается меньше. На небе царила Луна, освещающая окрестности не намного хуже Солнца. Была видна каждая ёлочка на другом берегу Подлысана, подчёркнутая на белоснежном снегу собственной непроглядной тенью. Под Луной, спустив штаны, чинно сидели два русских человека. Минус сорок пять и никого на полсотни вёрст. Какой художник напишет такую картину? Тишина прерывалась лишь кряхтением и треском искр, вылетающих из трубы.

– Ур-ра! Есть! Иди, отпинывай!

– Тебе, Вась, бульдозер надо, чтоб отгрести. То ли дело я: как птичка.

– Всё, надо линять! Остальное оставим на завтра, а то буду Нинку, как кот из анекдота, всю ночь чаем поить и рассказывать, как в походе яйца отморозил. А заметь: в тайге даже

дерьмо пахнет не так как в городе. Вкуснее. Ты принюхайся! – и Вася потрусил в сени, хромя на левую полуось.

Постояв над печкой раком и отогрев зады, они продолжили трапезу.

– Руки бы помыть надо! – предложил Валентин.

– Хирург что ли? В тайге грязи нет! Ты лучше расскажи, Валь, как у тебя с финночками дела обстояли?

Валя постарался не краснеть, но в который раз попытка была неудачной.

– Да, никак. Нас там чуть ни на привязи держали. Я там и не видел ничего толком, кроме лыжни. А вот в Омске, если уж начистоту, к нам раз болельщицы прорвались.

– Ну и как? Чё замолк? Колись, деревянный!

– Ты только потом сильно об этом не болтай нигде. Не могу я так. Характер у меня не такой. Да и мама у меня врач. Она такого про венерические заболевания нарасказывала...

Вася даже жевать перестал:

– И ты болельщицу свою не поимел? Чё молчишь? Она к тебе с риском для жизни пробиралась, а ты ей лекцию прочёл о тяжёлой жизни крестьян в южных районах Конго? Так что ли?

– С риском, это точно. Потом Савельев, второй тренер, узнал, поохотал да не стал трепаться никому. А если б до главного дошло – не знаю, что бы было. В КВД бы все поехали наверно как минимум. А девки меня потом ещё и обсмеяли, что плохо умею. Конечно, куда мне до некоторых, которые только и умеют, что вдоль трассы «Давай-давай!» орать да по бабам бегать. Болельщицы эти толстые все какие-то, стриженные, как мужики. Мне нравятся с длинными волосами, чтоб по ветру развевались и шампунем пахли. Яблочным. А эти пьяные, курят. Да и времени было на всё про всё – два часа.

– Так их что, много было?

– Четверо.

– И все тебя обсмеяли?

– Ну да.

– Так ты скольких там поимел, этих толстых, я чёта не врублюсь?

– Я ж тебе говорю: четверых. Нас тренеры перед стартом поили чем-то. До сих пор противно, как вспомню.

Вася аккуратно положил ложку на стол и долго смотрел в тарелку. Потом шумно почесал грудь и задумчиво произнёс:

– Сволочь ты. Я-то поначалу думал пацана жизни научить, за папу тебе полгода по ушам ездил. А сынок папу обскакал давно! Он уже оптом их, пока папа, мудень плесневелый, в розницу работает, по старинке. Всё, хватит. Пора на покой!

Вася тяжело вздохнул, налил и молча выпил. Пауза затягивалась, а он терпеть не мог молчать:

– Четверых разом! И ему противно! Подавай одну, но волосатую. Какая разница? Потом ты волосы эти будешь в супе находить, на полу, они дырку в ванне забьют. Придёт сантехник, натопчет грязи, а она потом будет пол мыть, некрасивая, растолстевшая, с вонючей тряпкой. Рядом три дочки с тёщей голодные на Луну воют. Денег нету. Этот ад называется семейным счастьем, – Вася глянул на пригорюнившегося друга, подумал и решил не гадить в чистую душу: – Но ты – романтик. А это хорошо. Будь, Валя, таким, пока сможешь. Скурвиться всегда успеешь. А эти дуры пусть смеются! Наплюй! Найдёшь себе ещё свою, в яблоках! Какие твои годы! Ты – парень шустрый. Надо же: четверых! Это мне торопиться надо. Кончу институт, пойду мастером на рудник и в последний раз женюсь на какой-нибудь старой дрыгалке. Но обязательно заведу молодую любовницу!

– Так и женись сразу на молодой!

– Сразу видно, что опыта семейной жизни у тебя нет. Молодая жена – это же кошмар! Дура полная! У неё танцы на уме, тряпки, веселье, мужики. А жена должна дом содержать,

с умом деньги тратить, детей воспитывать. Чтоб муж пришёл с работы, а всё помыто, постирано, дети здоровы, никаких любовников. Диван, газеты, телевизор. Господи, тоска-то какая! Я бы две жены завёл, да законы у нас дурацкие. Везде невезуха. А он сразу четверых! Почему я не лыжник?

– Вась, а ты как с женщинами познакомишься? – попытался отвлечь от горькой темы Валя друга.

– Ну, – деловито начал тот, – в этом деле одного рецепта нет, подход творческий. Болтать надо больше, себя хвалить, их хвалить в наглую. Они это любят. Они же дуры все за редким исключением. Чем ты наглей, тем больше у тебя шансов. Бриться надо всегда. С такой рожей, как сейчас, допустим, тебе только с вокзальными бичёвками знакомиться. Вот ты – лыжник. Бежишь по лесу. Увидел длинноволосую, от которой яблоками за версту несёт – хлоп ей лыжей по жопе! Она – хлоп тебе в лоб. Слово за слово, так и познакомитесь. А под лежащий камень коньяк не течёт. Давай я тебя с Маринкой из второй группы познакомлю. Весёлая девчонка, волосы – до самой задницы. Насчёт яблок врать не буду, близко я её не нюхал ещё. Хотя, тебе она не подойдёт. Ты – романтик, а она – вертихвостка. Целка на левое ухо, как моя бабушка выражается. Твоя мама как увидит её, так умрёт на месте вместе с папой.

– Папа не умрёт, – угрюмо вставил Валя.

– А по большому счёту, жениться надо на пятилетней сироте! Родственников нет. Воспитал её как надо, волосы отрастил, яблоками намазал – и вперёд! Только на худой не женись! Дело вкуса, конечно, но представь: лежит в кровати мумия иссохшая и мосалыгами шевелит. Какой тут супружеский долг! Не помереть бы от ужаса до первых петухов!

Валя, слушая дружеские советы, начал клевать носом. Они выпили по последней «За волосы на всех местах!», вышли покурить, заодно проверили, не упёр ли кто говно, и в одних трусах уснули, чтобы каждый час, почти не просыпаясь, одевать на себя в строгой очерёдности заранее приготовленные рубахи, штаны и носки, а посреди ночи вставать, кто вперёд замёрзнет – а это был неизменно Валя, – растоплять печь с вечера наструганными щепками. Отдых продолжался.

Двадцать девятого января тронулись в обратный путь. За день перед этим наготовили гору дров, навели порядок, написали благодарственное письмо хозяевам избы, развесили по местам драные кули. Упаковали рюкзаки. Поскольку почти всё было съедено, выпито и выстрелено, то наверх положили по паре хороших поленьев для динамитки. Рюкзаки были невесомые, что безумно радовало. Взяли с собой по банке тушёнки и сухарей, решив идти без остановок, чтоб не тратить время на разжигание костра.

Перед уходом на Валю села муха:

– Смотри-ка! Оттаяла! Поздненько спохватилась, милая! Завтра в этой квартире будет не теплее, чем на улице.

– Пошли! Одень муху теплее и подпирай дверь. Заметь: на тебя села. Кто засранец? Ну, с богом! Рюкзак на плечи, язык сверху и до станции бегом.

Валя незаметно положил ужаснувшуюся муху Васе на шапку и пошёл подпирать поленом двери.

Поезд отходил в час ночи. Они забрались на перевал в девять утра, свалились в другую покать, и не успели вспотеть, как были у динамитки. Бросили под нары дрова, покосились на яму, где ночевали, наконец нормально просерились и пошагали дальше. Идти было – одно удовольствие. За эту неделю не выпало ни одной снежинки, и их лыжня была как новая, только твёрже. Дорога после перевала шла всё время под гору, рюкзак не давил плечи, и Валя смог по достоинству оценить красоту пейзажа.

– Какие места! Сюда бы туристов возить, на лыжах кататься, канатных дорог повесить. Не хуже Альп!

– Тут вместо гостиниц лагерей настроили, а зэки лес валят. Железную дорогу сделали после войны, и как начались на ней беды с Кошурникова, Стофато и Журавлёва, так по сей день не кончились. Тут сроду канатку не повесят. Автомобильную-то дорогу сделать не могут. Может, оно и к лучшему, а то и здесь природу испоганят. Куда ходить будем с тобой?

Километры давались легко, шли без перекуров, настроение было отменное.

– Вась, как ты думаешь? Медведь выберет того, кто пожирнее и медленно бегают или шустрый набор костей?

– А у меня зато ружьё, а у тебя одна пукалка.

– Чем такое ружьё, так уж лучше пукалка.

Не утруждая мозги сложностью диалогов, товарищи шли до трёх часов, потом открыли банку тушёнки, но та смёрзлась и была малосъедобной. Тогда, нисколько не расстроившись, насыпали в карманы сухарей и пошли дальше, хрустя на всю округу и презирая местных шатунов. В связи с едой Вася вспомнил забавный случай про повариху.

ВАСИН СЛУЧАЙ

Была у нас в отряде однажды повариха, старая зэчка. Звали её Аделаида, но мы её в Долбаиду перекрестили. Таких, после зоны, в геологических партиях много, кстати говоря. Устраиваются рабочими, горняками, поварами; лето перекантуются, денег подзаработают, а осенью кто – куда. Так вот, эту кадру никто у нас не пёр. Кого переть – восьмая ходка! Из прожитых пятидесяти лет тридцать – на зоне. Терпела она, терпела, потом стала готовить всё хуже, а потом и реже. Мужики держатся. И тогда она пишет заявление: «Прошу уволить меня по собственному желанию, потому что тут меня никто не чирикает». Смех смехом, а в тайге отряду без повара тяжко. Семёнов, наш начальник, собирает мужиков и ставит ультиматум: или чирикайте, или сами марш на камбуз! А кому охота на камбуз? Составили график ночных дежурств. Вот где был ухохон! «Петь, подежурь за меня! Мне завтра в маршрут. Банку сгущёнки дам». «Банки мало. Две». «Хоть три, только выручи».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.